

КСЕНИЯ ВИНТЕР

СИРЕНЕВАЯ ГОСПОЖА ПОМЕСТЬЯ ЛУНДУН

ТОМ 1

Ксения Винтер
Сиреневая госпожа
поместья Лундун. Том 1
Серия «Сиреневая госпожа
поместья Лундун», книга 1

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67301909
SelfPub; 2023*

Аннотация

Скучная серая жизнь Татьяны внезапно оборвалась, и лежать бы ей в деревянном гробике, если бы не воля случая, перенёсшего её мало того, что в другой мир, так ещё и в чужое тело. Казалось бы, вот он, второй шанс – наслаждайся. Однако вторая жизнь может закончиться ещё быстрее, чем первая, если кому-нибудь станет известно, что Татьяна заняла чужое тело, ибо наказание за это – смерть. К счастью, выход есть: выйти замуж. Только где этого самого мужа найти? Впрочем, у наследницы поместья Лундун, как оказалось, проблем с кавалерами нет. Осталось только выбрать подходящего, ничем не выдав свою "иномирность".

Содержание

Смерть – это только начало	4
Пойми меня без слов	14
Тяжело в учении	31
Первый шаг	49
Воссоединение семьи	69
Связь	93
Вопросы и ответы	110
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Ксения Винтер

Сиреневая госпожа

поместья Лундун. Том 1

Смерть – это только начало

Живот пронзила острая боль, и я негромко вскрикнула. Лезвие ножа прошло чуть выше пупка, разрывая бледно-жёлтый шёлк ханьфу и окрашивая его алыми разводами.

Искажённое яростью лицо мужчины, стоявшего напротив меня и державшего в руке нож, вытянулось в изумлении.

– Ты не она! – возмущённо-испуганно воскликнул он и резко выдернул нож с отвратительным хлопаяющим звуком.

Новая волна боли прокатилась по телу. Зажав рану рукой, я рухнула сначала на колени прямо на грязный асфальт, а затем и вовсе завалилась на бок. Перед глазами всё плыло и двоилось. Я открыла рот, чтобы позвать на помощь, но с губ не сорвалось ни звука. А затем мир вокруг погрузился во тьму.

* * *

Моя фанатичная одержимость китайской культурой нача-

лась много лет назад с просмотра фильма «Дом Летающих кинжалов». Меня буквально заворожили необычные яркие костюмы с длинными развивающимися рукавами и широкими поясами, сложные причёски с кучей роскошных шпилек, но главное – мелодичный язык, прекрасно различимый из-под плохо наложенного дубляжа. Окончив школу с отличием, я поступила на факультет востоковедения и вплотную занялась изучением всего, что связано с Китаем, начиная языком и заканчивая историей и философией. Я даже пыталась освоить ушу, но не достигла в нём особого успеха – всё-таки по своей природе я была типичным гуманитарием, весьма далёким от спорта и всего, что хоть как-то с ним связано. Зато мне неплохо далась игра на пипе – китайской лютне, – и сяо – разновидности флейты, – благо, от природы я была наделена абсолютным слухом, тонкими быстрыми пальцами и воистину огромными лёгкими.

Родители к моей одержимости относились настороженно, но авторитетом не давили и по мозгам не ездили. Мама считала это детской прихотью, которую я со временем перерасту. Отец же лишь легкомысленно замечал, мол, у каждого человека должно быть хобби, и моё не самое плохое, хоть и несколько затратное.

Уже в студенческие годы, обзаведясь безлимитным интернетом, я плотно подседа на китайские дорамы, особенно псевдоисторические, и ударилась в косплей. Так что не было ничего удивительного в том, что в конечном итоге вместо

того чтобы уйти работать в какую-нибудь престижную фирму переводчиком, я посвятила свою жизнь продаже разнообразной атрибутики для косплея. Денег это приносило не то, чтобы много, но на жизнь при моих скромных запросах вполне хватало.

А потом в моём магазине появилась она. Наташа. Предыдущий продавец, Кристина, с которой мы проработали душа в душу целых семь лет, вышла замуж и укатила вместе с супругом в другой город. И мне пришлось в срочном порядке искать ей замену, потому что даже я при всей моей любви к своей работе не могла проводить в магазине семь дней в неделю.

Наташа не была плохой девушкой. Вежливая, общительная, со смазливой мордашкой и хорошо подвешенным языком, она могла продать кому угодно и что угодно. Но у неё был один существенный недостаток – она очень любила мужчин. А точнее, обожала флиртовать со всеми направо и налево и встречалась одновременно с несколькими поклонниками. Естественно, время от времени её ухажёры сталкивались друг с другом. Иногда доходило до драк и вызова полиции. Я не придавала этому особого значения: пока ссоры и потасовки проходят за пределами магазина, меня эти испанские страсти не касались. Если бы я только знала, насколько сильно заблуждалась...

В тот день Наташа позвонила мне рано утром и слёзно умоляла подменить её на работе, поскольку она «немного

приболела». Судя по голосу, чувствовала девушка себя просто прекрасно, но по какой-то причине решила устроить себе внеплановый выходной. У меня, впрочем, на этот день никаких планов не было, поэтому я решила пойти ей навстречу.

– Но за это я заберу сегодня твоё ханьфу, – выдвинула я условие, решив получить хоть какой-то барыш с того, что иду на поводу у её лени. – Ты ведь болеешь, значит, на сегодняшний фестиваль не пойдёшь.

– Да-да, Танюш, конечно, ты можешь его взять, – охотно согласилась Наташа. – Хорошо тебе вечером повеселиться!

Стоит сказать, что внешне мы с Наташей были похожи, словно сёстры: обе невысокого роста, тёмноволосые и щуплые. Так что, наверно, не было ничего удивительного в том, что очередной рогоносец, карауливший Наташу возле магазина, перепутал нас впотьмах – мне давно стоило поменять лампочку перед входной дверью, да всё никак руки не доходили. Даже смешно, что такая, казалось бы, мелочь, может радикальным образом изменить твою судьбу.

* * *

Открыв глаза, первое, что я увидела – деревянный потолок какого-то странного голубоватого оттенка.

«Где это я? – заторможено подумала я. – На больницу не похоже».

Рядом послышалось шуршание ткани, а затем обзор мне

загородило гладковыбритое мужское лицо азиатской наружности в какой-то странной тибетейке конусообразной формы на макушке.

Я растерянно моргнула.

– Где я? – разлепив пересохшие губы, через силу выдавила я и невольно скривилась: голос звучал, как несмазанная телега, и, казалось, принадлежал совсем не мне.

Мужчина на мои слова отреагировал странно: резко взмахнув рукой, ткнул себя сложенными вместе указательным и средним пальцами в горло, а точнее, во впадину над ключицами. Мой взгляд соскользнул с лица незнакомца ниже, и вот теперь я обратила внимание на его необычную одежду, подозрительно напоминающую китайское ханьфу бежевого цвета с цветочным орнаментом.

«Тоже косплеер?» – подумала я, а вслух спросила: – Кто вы?

Незнакомец нахмурился и подался вперёд, накрыв мой рот своей ладонью, которая оказалась закрыта плотной тканью перчатки в тон одежды, вот я и не обратила на неё внимания. Зато сразу заметила, что не только рот, но и большая часть моего лица скрылась под этой ладонью, и тут два варианта: либо у этого субъекта сверхъестественно большие руки, либо у меня внезапно уменьшилось лицо. И то, и другое казалось полным бредом. Я резко подняла руку, решив пресечь столь бесцеремонное обращение с собой, только вот мне не удалось даже пошевелиться: всё тело было ватным и,

казалось, вообще не воспринимало сигналы от мозга.

Вот теперь я по-настоящему испугалась. Паника ледяным потоком захлестнула сознание, мешая трезво думать. Я попыталась тряхнуть головой, чтобы избавиться от руки, которая мешала кричать и звать на помощь, однако и этого сделать не получилось. Глаза сами собой заволокли слёзы.

«Да что же это такое!» – мысленно в сердцах воскликнула я.

Видимо сообразив, что ещё чуть-чуть, и я скачусь в банальную истерику, незнакомец зубами стянул перчатку и положил ладонь мне на лоб: краем глаза я уловила слабое голубоватое свечение то ли от его руки, то ли от какого-то предмета, находящегося за пределами моей видимости. Не прошло и секунды, как мои веки стали тяжелеть, мысли начали путаться, а затем всё вокруг вновь поглотила тьма.

Моё повторное пробуждение было чуть более приятным. Открыв глаза, я увидела над головой уже знакомый голубоватый деревянный потолок и немного успокоилась – я всегда была поклонницей постоянства. Попытка пошевелить рукой или ногой, равно как и головой, не принесла никакого результата. Зато на моё натужное кряхтение отозвался уже знакомый азиат. Появившись в поле моего зрения, он несколько мгновений внимательно вглядывался мне в глаза, затем наклонился и положил ладонь на грудь – меня несказанно обрадовало то обстоятельство, что я почувствовала это прикосновение, поскольку это означало, что я всё-таки не пар-

лизована.

– Не могу пошевелиться, – пожаловалась я, на что мужчина отреагировал тем же жестом, что и в прошлый раз: двумя пальцами правой руки ткнул себе в ярёмную впадину над ключицами. Я резонно предположила, что это была такая невербальная просьба заткнуться, и покорно замолчала: не стоило провоцировать этого человека, пока не станут ясны его мотивы и моё собственное местоположение.

Подождав некоторое время, видимо, ожидая от меня очередных попыток заговорить, а возможно и нового витка истории, моя нянька – или похититель, тут сложно пока что-либо сказать наверняка, – скрылась из виду, чтобы спустя пару минут вернуться, неся в руках неглубокую глиняную тарелку. Поставив свою ношу на тумбочку в изголовье, мужчина опустил на кровать – поскольку разглядеть, где именно лежу, я не могла, то решила пока называть своё ложе кроватью, – аккуратно взял меня под мышки и усадил, привалив спиной к своей груди. Теперь я наконец-то получила возможность оглядеть помещение, в котором оказалась. Это была просторная комната со светлыми стенами, украшенными деревянными панелями того же оттенка, что и потолок. Мебели в комнате практически не было, лишь низкая односпальная кровать, на которой я лежала, рядом – деревянная тумбочка с изящным серебряным подсвечником на ней да длинный стол вдоль круглого окна, весь заваленный какими-то книгами и бумагами.

Внезапно перед моим носом появилась та самая глиняная тарелка, которую незнакомец совсем недавно поставил на тумбочку. Опустив глаза, я увидела, что тарелка наполнена какой-то зелёной жидкостью, внешне напоминающей тархун, от которой пахло какими-то пряными травами.

Чужая рука осторожно запрокинула мне голову, после чего тарелка коснулась губ: всё во рту пересохло, так что мне не осталось иного выбора, как разомкнуть губы и сделать глоток. На вкус жидкость была довольно приятной, как обычный травяной чай, так что я не стала артачиться и выпила всё до последней капли.

– Спасибо, – вежливо проговорила я, за что чужая ладонь – к слову опять скрытая перчаткой, – вновь накрыла мой рот. Это уже начинало раздражать. Как мне вообще понять, что тут происходит, и где я вообще нахожусь, если этот человек не даёт мне и слова сказать?

Мужчина осторожно опустил меня обратно на постель, заботливо поправив подушку под головой. Я слышала его тихие удаляющиеся шаги и приглушённый стук – видимо, закрылась дверь. В теории, сейчас я могла бы закричать: позвать на помощь или просто выразить своё недовольство сложившейся ситуацией. Однако делать этого я не стала. Мой надзиратель – учитывая его бесцеремонные манеры и немногословность, такое звание этому мужчине более чем подходило, – весьма однозначно выразил своё желание оставаться в тишине. И не было никаких гарантий, что в случае,

если я закричу, он просто не перережет мне горло (да, я не видела ни в его руках, ни где-то поблизости ни одного колюще-режущего предмета, но это не означает, что их тут нет).

Вновь раздался стук двери, а следом за ним громкий топот ног. Вскоре возле меня очутился совсем маленький мальчишка – лет десяти, не старше, – типичной европейской наружности: светлокожий, с пшеничными волосами, собранными в низкий хвост и яркими голубыми глазами. Одет, к слову, паренёк был в такой же наряд, что и мой надзиратель, только ханьфу на нём было насыщенного алого цвета.

Радостно воскликнув что-то на незнакомом мне языке – и ни разу не китайском! – мальчишка уселся на край кровати и взял меня за руку, продолжая что-то быстро и с чувством мне втолковывать. Его ладони были тёплыми – а главное, на них не было перчаток. Я находилась в замешательстве: судя по сияющему взгляду и счастливой улыбке, мальчишка, определённо, меня знал. Но откуда? Во время своего продолжительного монолога он притянул мою ладонь к своей груди, и я шумно вздохнула: рука, которая вроде как шла из моего тела, была не моя. Тонкая и короткая, она, определённо, принадлежала маленькому ребёнку.

По спине пробежал противный холодок. Но прежде чем я смогла дойти от станции «испуг» до станции «истерика», на плечо мальчика легла уже знакомая рука в бежевой перчатке. Подняв глаза, я встретила спокойным, уверенным взглядом светло-карих глаз. И ужас, сковавший моё сердце,

внезапно отступил, словно его смыло морским прибоем.

Мужчина что-то сказал мальчику, тот нахмурился, но важно кивнул, послал мне на прощание лучезарную улыбку, поднялся и ушёл. После того как за ним закрылась дверь, мой надзиратель предельно осторожно, словно я была сделана из тонкого фарфора или хрусталя, усадил меня, прислонив спиной к чему-то сзади, – возможно, стене или изголовью кровати, – предварительно для мягкости подложив подушку. Убедившись, что я удобно устроена, он решительно откинул в сторону одеяло, и мне предстала неприглядная истина: не только руки, но и ноги были детскими, из чего можно было логично заключить, что и всё остальное тоже принадлежит ребёнку. Но как такое возможно? В памяти всплыло лицо незнакомого мужчины, возникшее из темноты, затем резкая боль в животе и кровь, заливающая мои руки.

«Я умерла, – упаднически подумала я, невидящим взглядом наблюдая за тем, как надзиратель сосредоточено разминает мои ноги, напоминающие тонкие веточки какого-то хилого деревца. – А это, по всей видимости, загробная жизнь, – с моих губ сам собой сорвался горький смешок. – Жила глупо, умерла по-идиотски и посмертие у меня соответствующее».

Пойми меня без слов

Следующую пару дней я лежала безжизненной куклой на постели, позволяя мужчине делать с собой всё, что ему вздумается. Все мои чувства и эмоции словно законсервировались, превратились в абсолютное, всепоглощающее ничто. Даже столь смущающие процедуры как мытьё – мой надзиратель сначала меня полностью раздел, а затем аккуратно погрузил безвольную тушку в глубокую бадью, наполовину наполненную водой, – и вынос судна, в которое я была вынуждена справлять естественные потребности организма, не вызвали никаких эмоций. Мои мысли, точно заикленные, крутились вокруг того факта, что я умерла. Концепция того, что вопреки этому я всё же продолжаю жить, в голове не укладывалась, хотя в своих размышлениях я время от времени запинаясь об неё, но раз за разом откладывала в сторону, как недостойную внимания.

Кроме азиата в перчатках и неизменной забавной конусообразной шапочке, ко мне никто больше не приходил. Однако время от времени я слышала незнакомую речь, доносившуюся со стороны улицы: судя по всему в окне не было стекла, так что звуки ничего не заглушало.

«Наверно, мне всё это просто снится, – в какой-то момент, точно вспышка кометы, промелькнула мысль, наполненная надеждой. – Из-за ранения я попала в больницу и сейчас на-

хожусь без сознания, а это всё – всего лишь плод моего бурного воображения, одурманенного лекарствами».

Эта надежда продержалась во мне ровно сутки. Пока надзиратель не явился с длинной острой иглой в руках и, аккуратно обхватив моё запястье рукой, – все действия в отношении меня мужчина проделывал с величайшей осторожностью, словно я была хрустальной вазой, которая может разбиться от малейшего неловкого движения, – проткнул иглой вену в районе локтевого сгиба. Эта совсем крохотная секундная боль словно переключила незримый выключатель у меня в голове. Набрав в грудь воздуха, я сорвалась на крик. Я называла своего мучителя всевозможными бранными словами, грозила ему расправой, а под конец и вовсе умоляла, заливаясь горячими слезами. Ответом мне стало ледяное спокойствие в светло-карих глазах и гробовое молчание.

Выпустив пар, я обессилено закрыла глаза. И тут же почувствовала заботливое прикосновение мягкой, чуть влажной ткани к щекам: со стороны этого каменного истукана было весьма мило стереть следы истерики с моего лица.

Кормил незнакомец меня трижды в день небольшими порциями какой-то странной, абсолютно безвкусной жижи, – нечто среднее между очень густым супом и чересчур жидкой кашей, – чем-то напоминавшей овсянку, которую мне однажды не посчастливилось попробовать, пока я лежала в больнице. Помимо этой недо-каши мне позволялось выпить пиалу воды и четыре пиалы того ароматного травяного

настоя, который мне дали сразу же после того, как я очнулась. Медленно, но неотвратимо силы возвращались ко мне. Вскоре я уже могла шевелить пальцами и поворачивать голову из стороны в сторону. На этом, к сожалению, успехи исчерпывались. Однако учитывая тот факт, что дважды в день – утром и вечером, – надзиратель старательно делал мне массаж, после чего сгибал и разгибал мои руки и ноги, словно заново обучая их правильным движениям, – вопрос того, когда я смогу хотя бы отвесить ему звонкую затрещину, был лишь вопросом времени.

На пятый день жизни после смерти привычный распорядок был нарушен внезапным появлением нового действующего лица. В мою комнату – могу же я считать её своей, раз уж я в ней нахожусь круглые сутки? – стремительной походкой вошёл невысокий мужчина лет пятидесяти в тёмно-зелёных одеждах. Его длинные чёрные волосы были уложены в сложную причёску, состоящую из нескольких переплетённых кос, однако височные пряди оставались свободно свисать, обрамляя длинное вытянутое лицо с высокими скулами, достигая его груди. Я обратила внимание, что одежда на визитёре более многослойная, чем у моего надзирателя – помимо ханьфу с широким поясом на нём была надета жилетка на тон темнее основного платья, полы которой под грудью скрепляло золотое украшение, представлявшее собой не то две пуговицы, не то два зажима в форме цветков, соединённых между собой тонкой цепочкой. Помимо этого шею муж-

чины стягивал высокий воротник, не являвшийся частью ни ханьфу, ни жилета.

Мужчина остановился в шаге от постели. Его бледно-зелёные глаза с тревогой вглядывались в моё лицо, и я почувствовала, как сердце на мгновение замерло, пропустив удар.

Раздался звук открывающейся двери, а затем голос моего надзирателя. Гость повернулся к нему и ответил что-то твёрдым, властным тоном, после чего вновь переключил своё внимание на меня. Приблизившись вплотную к постели, он наклонился и, пристально глядя мне в глаза, что-то спросил – во всяком случае, мне показалось, что интонация была именно вопросительной. Краем глаза я отметила мёртвенно-бледное лицо второго мужчины, в светло-карих глазах которого сейчас читалось что-то, подозрительно напоминающее панический ужас.

Понимая, что не ответить на вопрос нельзя, но и ответить на него не получится по объективным причинам, я решила пойти на хитрость: открыла рот, будто собираюсь что-то сказать, выдавила из себя пару хрипловатых бессвязных звуков, после чего скривилась якобы от боли и начала надсадно кашлять. Чужая прохладная ладонь тут же легла мне на грудь, и мужчина в зелёном что-то сказал мягким, успокаивающим тоном. Я продолжила кашлять, одновременно метнув быстрый взгляд на своего надзирателя. Мне показалось, или он обрадовался этому небольшому представлению?

Некоторое время мужчины негромко о чём-то перегова-

ривались. При этом рука незнакомца в зелёном продолжала мирно покоем на моей груди, от чего я чувствовала себя немного не в своей тарелке. Наконец, придя к какому-то соглашению, нежданный гость вновь повернулся ко мне и что-то ласково сказал, после чего наклонился и мягко коснулся губами макушки. Я вымучила из себя в ответ некое подобие улыбки.

После того как за незнакомцем закрылась дверь, я перевела на своего надзирателя внимательный взгляд. Я была уверена: он очень не хотел, чтобы визитёр узнал, что я изъясняюсь на совершенно ином языке.

Несколько томительных секунд мы сверлили друг друга пристальными взглядами. Затем с тонких губ сорвался обречённый вздох. Приблизившись к постели, мужчина привычно придал мне вертикальное положение, прислонив спиной к изголовью кровати и подложив под поясницу небольшую подушку. Сам же он сел на постель рядом со мной и уверенно снял перчатки. Практически сразу его правая ладонь начала испускать слабое голубоватое свечение, на которое я уставилась, как на восьмое чудо света.

«Это ещё что за чертовщина?» – мелькнула у меня в голове испуганная мысль. Видимо та пара раз, когда мне казалось, что я видела некое свечение, исходящее от его рук, была не галлюцинациями и не обманом зрения. Да это же самая настоящая магия!

Когда надзиратель протянул свою сверкающую ладонь ко

мне, я резко дёрнула головой в сторону – единственный доступный мне способ выразить несогласие с его действиями. Нахмурившись, мужчина уверенно положил вторую руку мне на шею, не давая возможности пошевелиться, после чего его сияющая ладонь легла мне на лоб.

Перед моими глазами, точно кадры кинофильма, начали мелькать картинки.

Я стояла посреди просторного зала, все стены которого были увешаны тёмно-зелёными гобеленами с весьма странным узором, состоящим из хаотично расположенных вертикальных и горизонтальных линий и точек. Передо мной на небольшом возвышении на широком каменном стуле, внешне весьма напоминающем трон, восседал тот самый мужчина в зелёном ханьфу, что только что навещал меня. Он негромко заговорил, и хотя ни одного его слова не было мне понятно, я почувствовала заинтересованность. Мой рот сам собой открылся, и из него вылетели слова, значение которых я не знала, да и голос принадлежал явно не мне, а моему надзирателю – несмотря на его немногословность, я слышала его речь достаточное количество раз, чтобы суметь узнать.

Картинка внезапно сменилась. Я сидела на невысоком табурете возле постели и смотрела на неимоверно тощее детское тельце перед собой. Тревога ледяной рукой сжала сердце. Сняв перчатку, я обхватила запястье девочки: моя собственная ладонь засветилась бледно-голубым. Спустя мгновение сердце кольнуло острым разочарованием. Тревога

лишь усилилась.

Картина вновь сменилась. За окном – глубокая ночь. Я сидела за столом и разбирала какие-то книги, все страницы которых были исписаны вертикальными и горизонтальными палочками с точками – по-видимому, разновидность местной письменности. Сердце бешено колотилось в груди от страха. Повернув голову, я бросила взгляд на девочку на кровати: её кожа приобрела нездоровый серовато-зеленоватый оттенок, глаза и щёки окончательно запали, и если бы не грудь, медленно поднимавшаяся и опускавшаяся под одеялом, ребёнка вполне можно было принять за труп. Я ощутила, как чувство собственного бессилия затопило сознание, а затем его внезапно сменила отчаянная решимость. Отложив в сторону все книги на столе, я вытащила из-за пазухи ханьфу свиток, перевязанный чёрной лентой. Страх ядовитой змеёй свился в груди. Дрожащими руками я сняла ленту и очень внимательно изучила содержимое свитка. И снова страх, природу которого я не могла понять – видимо, потому что он принадлежал человеку, чьими глазами я смотрела в этот момент на мир.

Дважды перечитав свиток, я поднялась на ноги и принялась расхаживать по комнате, не в силах усидеть на одном месте. Мысли на незнакомом языке роились в голове, точно стоя взбешённых ос. Наконец, решение было принято. Вытащив из ножен на поясе кинжал, я сделала неглубокий надрез на ладони, после чего приблизилась к кровати и собствен-

ной кровью начертила на лбу девочки несколько знаков: три вертикальные черты друг за другом, три точки в форме треугольника и две горизонтальные линии, а над ними – точка и короткая вертикальная черта. Завершив свои художества, я положила неповреждённую руку на грудь девочки и произнесла длинную фразу – по всей видимости, какое-то заклинание. Моя ладонь равномерно светилась голубым. Пару минут ничего не происходило, а затем тело ребёнка охватило слабое, едва различимое сиреневое сияние. Я почувствовала облегчение, за которым где-то глубоко внутри всё ещё скрывалось лёгкое сомнение, приправленное изрядной порцией страха.

Я резко вздохнула и открыла глаза. Мой надзиратель всё ещё сидел рядом, внимательно вглядываясь в моё лицо. Обе его руки лежали на коленях, уже облачённые в неизменные бежевые перчатки.

«Он только что показал мне свои воспоминания, – догадалась я, несколько шокированная произошедшим. Однако долго пребывать в ступоре у меня не получилось, хаотичный поток мыслей тут же занял мою беспокойную голову: – Получается, он что-то вроде здешнего доктора. Ему поручили вылечить это тело, но у него не вышло, и он провёл какой-то сомнительный ритуал, в результате которого я очутилась здесь. С ума сойти можно!»

Горе-врачеватель тем временем слегка придвинулся ко мне. Я подняла на него настороженный взгляд.

– Чатьен Васт, – медленно и чётко проговорил он, положив ладонь себе на грудь.

«Это у него типа такие имя и фамилия? – растеряно подумала я. – И что из этого имя, а что – фамилия?»

Чатьен Васт ещё раз повторил своё имя, после чего положил руку мне на грудь и вопросительно взглянул мне в глаза.

– Татьяна Андреева, – покорно представилась я. Однако доктор вдруг резко вскинул правую руку.

– Чатьен Васт, – снова положив руку себе на грудь, проговорил он. Затем переместил ладонь мне на грудь: – Шиануся.

«Шиануся? – меня аж всю передёрнуло от того, как это прозвучало. – Это моё имя? Фу, какая мерзость! А ничего лучше не было?»

Чатьен Васт несколько секунд выжидательно смотрел на меня, затем в очередной раз положил ладонь себе на грудь и послал мне вопросительный взгляд.

– Чатьен Васт, – проговорила я. Мой собеседник вскинул вверх левую руку, после чего положил ладонь правой мне на грудь и вновь вопросительно на меня посмотрел.

– Шиануся, – скрепя сердце, сказала я. Доктор вновь поднял левую руку, после чего сложил обе руки на коленях.

Ну, что ж, начало диалога можно считать положенным. Теперь мы знаем, как обращаться друг к другу. А дальше что? Я всё ещё не могу сказать ни слова на местном языке, да я даже с постели встать не могу! Как этот гений собирается разбираться со всем этим? У него ведь должен быть ка-

кой-то план?

Однако на несколько дней наше общение застопорилось. Каждый раз, когда мой надзиратель появлялся в поле видимости, я называла его имя, он в ответ отзывался этим омерзительным «Шиануся». И всё. Никаких попыток к дальнейшей коммуникации он не предпринимал. А я продолжала мучиться в догадках, что же такое тут всё-таки происходит и для чего этому адепту ордена молчальников потребовалось переселять в это тело другую душу.

Моё физическое состояние тем временем медленно, но верно улучшалось. Благодаря разнообразным отварам, массажу, кровопусканию и «свелящимся ручкам» (так я мысленно называла процесс, когда Чатьен Васт садился возле меня, снимал с ладоней перчатки и клал правую руку мне на лоб, а левую на грудь, после чего они начинали ярко светиться, точно галогеновая лампочка, посылая по телу приятное тепло) спустя три дня после нашего полноценного знакомства я смогла, наконец-то, шевелить руками. Чем я в этот же день и воспользовалась, с наслаждением залепив этой надменной колдовской морде лёгкую пощёчину – сил у меня по-прежнему было, как у новорожденного котёнка, так что звонкого леща отвесить не получилось, да я и не собиралась причинять мужчине реальную боль. Просто захотелось выразить своё отношение к происходящему. Судя по мрачному, неодобрителному взгляду светло-карих глаз, мой посыл дошёл до адресата.

В отместку за эту выходку в обед Чатьен Васт придал моему телу вертикальное положение, прислонив спиной к изголовью, после чего поставил мне на колени деревянный поднос с двумя глиняными чашами: одной с недо-овсянкой и второй с травяным настоем. И с нечитаемым выражением лица замер, только глаза задорно блестели. Засранец!

Послав своему мучителю злой взгляд, я с огромным усилием подняла руки – такое чувство, будто каждая весила по полтонны минимум! – и переложила их на поднос. Немного передохнула. Обхватила негнущимися пальцами чашу с жидкой кашей и попыталась её поднять. Куда там! Даже с места сдвинуть не смогла. Насупившись, я послала доктору хмурый взгляд, после чего демонстративно отвернула голову. Да, есть очень хотелось. Но я гордая! Да и как просить о помощи, я понятия не имела, мой запас слов на здешнем языке ограничивался собственным именем и именем моего надзирателя.

К счастью, Чатьен Васт, несмотря на свой, очевидно, скверный характер, не был человеком жестоким. Выждав ещё пару минут, он опустил на край постели, изящным движением взял в руки чашу с кашей и поднёс её к моему лицу. Повернув голову, я встретилась взглядом с карими глазами, после чего мягко обхватила губами край чаши – чуткие пальцы сразу же приподняли её, и я сделала небольшой глоток – чаша тут же опустилась, позволяя мне прожевать небольшие кусочки мяса и комочки крупы, попавшие в рот.

По завершении трапезы я, чувствуя небольшое смущение, но будучи больше не в силах находиться в неведении, осторожно обхватила ладонью чужое запястье, сознательно не прикасаясь к обнажённой коже – ну, не просто так же доктор носил перчатки и снимал их только в случае, когда нужно использовать «светящиеся ручки».

Чатьен Васт замер и вопросительно взглянул на меня. Вздохнув, я потянула его за руку, положив ладонь себе на лоб, пытаюсь безмолвно сказать, что совсем не против продолжить ментальное общение. Мужчина нахмурился.

«Надеюсь, я не перехожу черту? – мелькнула у меня в голове испуганная мысль. – В конце концов, он первый выбрал этот метод общения...»

Доктор забрал поднос с пустыми чашами и вышел из комнаты. Вскоре он вернулся, но не стал укладывать меня обратно, а вновь сел рядом, снял перчатку с левой руки и положил ладонь мне на лоб.

В этот раз ощущения от ментального контакта были другими: я не погрузилась в чужие воспоминания, напротив, ощутила мягкое, аккуратное вторжение в собственную голову. Сконцентрировавшись, я воскресила в памяти момент своей смерти, а после показала вид полумёртвого тела, над которым Чатьен Васт проводил ритуал. Мне необходимо было понять: я оказалась здесь, потому что мы обе умерли? Прямо задать вопрос я не могла, а судя по ощущению чужой растерянности с лёгким налётом сострадания, суть моего во-

проса собеседник не уловил. Как всё-таки трудно общаться картинками! Вот в моих любимых дорамах всё намного проще: куда бы ни перенеслась главная героиня, неважно, далёкое это прошлое или другой мир, она всегда знает местный язык и легко на нём изъясняется. Почему же со мной не так? Неужели здесь нет какого-нибудь зелья/заклинания/ри-туала/волшебных грибов, которые даруют понимание чужого языка?

Видимо почувствовав моё раздражение, Чатъен Васт прервал ментальный контакт и слегка отстранился, пристально вглядываясь мне в глаза, непонятно что пытаясь там разглядеть. Тяжело вздохнув, я выдавила из себя некое подобие улыбки и протянула руку, осторожно касаясь ладони мужчины, понукая его возобновить контакт.

На этот раз я показала ему свою семью: маму, папу и двух младших братьев. Я понимала, что если моё тело умерло, то с ними я больше никогда не увижусь. Но у тела, в которое я попала, наверняка тоже есть семья. И они явно волнуются о своей Шианусе – боже, и какому психу пришла в голову идея так назвать ребёнка? Это имя просто курам на смех. Интересно, в этом мире можно сменить имя?

На этот раз мой вопрос, видимо, был понят правильно. Во всяком случае, картинка изменилась, и передо мной сначала появился уже знакомый мужчина в зелёном, восседающий на троне, затем, с небольшой задержкой, красивая темново-лосая женщина, облачённая в многослойные розовые одеж-

ды, а затем тот самый мальчишка, которого я видела в первый день.

«Получается, в этом мире у меня есть отец, мать и брат, — сделала я вывод из увиденного. — Видимо, эта семья достаточно богата и влиятельна, раз Чатъен Васт ради спасения их ребёнка решил призвать душу из другого мира».

К слову о призыве души. Сосредоточившись, я вызвала в памяти страницы какой-то религиозной брошюрки, на которой был изображён человек, а рядом с ним — его душа в момент покидания тела. Мгновение — и передо мной появился свиток с уже знакомыми чёрточками/точками. Однако помимо местной письменности, добрую половину свитка занимала весьма красочная иллюстрация. На ней рядом с человеком были нарисованы сразу две фигуры: одна — точная его копия, изображённая более тусклыми красками, исходила откуда-то из его сердца, вторая — расплывчатая и бесцветная — из головы.

«То есть местные считают, что сознание и душа человека не едины, и их можно разделить, — заключила я. — Спорная идея. Если бы это было так, то, переместившись в это тело, я должна была бы получить его воспоминания, одновременно лишившись своих. Но этого не произошло».

Я мысленно одёрнула себя: какая разница, едины сознание и душа или нет? В моём конкретном случае этот вопрос не имеет значения.

Внезапно пространство вокруг меня исказилось, и я попа-

ла в крохотное помещение: на деревянной лавке лежал окровавленный человек. Рядом с ним стоял, видимо, доктор. Во всяком случае, этот человек был одет в светлые одежды и в перчатках, как и Чатьен Васт. Лекарь уверенной рукой зашивал глубокую рану на груди пациента. Однако когда работа была уже почти закончена, пациент вдруг жутко захрипел, изо рта у него пошла пена и он скончался. Сцена тут же сменилась: этот же доктор стоял на высоком помосте, вокруг которого собралась целая толпа людей, и все в светлых одеждах и в перчатках на руках. Позади лекаря, с мечом в руках, стоял мужчина, облачённый во всё чёрное, подозрительно напоминавший палача. Палач что-то громко проговорил. Лекарь окинул спокойным взглядом толпу и опустился на колени. Палач замахнулся.

Не желая видеть казнь, я испуганно вскрикнула, и картинка исчезла. Тяжело дыша, я сидела на своей постели, а рядом со мной с мрачным выражением лица стоял Чатьен Васт.

Вот теперь пазл начал потихоньку складываться. Судя по тому, что я увидела, в местном обществе врача, не сумевшего спасти пациента, приговаривали к смертной казни. Просто варварство какое-то! Так что нет смысла удивляться, что мой доктор предпочёл провести какой-то сомнительный ритуал, чтобы вернуть к жизни заведомо неизлечимую пациентку.

Чатьен Васт отошёл к столу, взял с него какую-то книгу и принялся листать её с сосредоточенным выражением лица.

Найдя нужную страницу, мужчина вернулся к постели и положил книгу мне на колени.

На странице, помимо уже знакомой мне непонятной письменности в стиле «палка-палка-куча точек», были помещены две иллюстрации. На первой в тело лежащей на постели девушки залетало какое-то непонятное облачко. На второй эту самую девушку замуровывали живьём в крохотной каменной комнатке без окон и дверей.

«Ах ты ж рожа лекарская! – возмущённо подумала я, когда до меня дошёл смысл изображённого. – Одному тебе, значит, помирать не захотелось, и ты решил меня за компанию прихватить?»

Чатьен Васт всё ещё стоял ко мне достаточно близко, чтобы я смогла пусть и несильно, но ударить его кулаком по руке. Мужчина никак не отреагировал на этот жест. Ещё бы, удар этой хилой ручки был для него, как для слона дробина!

Мне очень сильно хотелось накричать на этого замшелого докторишку, но теперь, зная, чем мне грозит разоблачение, я сдержалась, опасаясь, что мои вопли на непонятном языке может кто-то услышать.

– Я очень надеюсь, что у тебя есть какой-то план, – тихо-тихо, на грани слышимости зло проговорила я, хотя и осознавала, что собеседник ни слова не поймёт из сказанного.

Чатьен Васт обречённо вздохнул и коснулся указательным и средним пальцами шеи над ключицами – просьба замолчать. Я недовольно поджала губы и сложила руки на животе:

если я планировала выжить, придётся подчиниться. Потому что без этого засранца моя новообретённая жизнь закончится очень быстро и, судя по картинке в книге, крайне неприятным – можно даже сказать очень мучительным, – способом.

Мужчина некоторое время пристально смотрел мне в лицо. Затем нагнулся и накрыл мои руки своей рукой, слегка сжимая пальцы – в светло-карих глазах при этом отражалась твёрдая решимость идти до конца. Криво усмехнувшись, я перевернула ладонь, отвечая на пожатие. Что ж, у Вселенной, определённо, отвратительное чувство юмора. Всю свою сознательную жизнь я мечтала быть кем-то другим: принцессой, восточной красавицей, воином клана заклинателей. Теперь моё желание исполнилось. И мне предстояло приложить максимум усилий, чтобы это чудо не вышло мне боком.

Тяжело в учении

Процесс того, как мы с Чатьеном Вастом пытались сделать из меня достойного члена здешнего общества, достоин аналогов истории. Ну, или пособия по средневековым пыткам.

Перво-наперво необходимо было обучить меня языку, причём так, чтобы при разговоре я ничем не выдала, что данный язык не является моим родным. Мой надзиратель, он же лечащий врач, подошёл к этой задаче со всей обстоятельностью. Большую часть дня, незанятую лечением и попытками восстановить атрофировавшиеся мышцы, мы с моей личной Немезидой проводили в некоем ментальном пространстве. Чатьен Васт при помощи своих «сияющих ручек» проникал в мою голову и создавал там что-то вроде классной комнаты. Это было небольшое помещение с абсолютно голыми стенами, окрашенными бледно-жёлтым цветом. Из мебели здесь был только маленький круглый столик, стоявший точно посередине, а рядом с ним – две низкие табуретки на трёх ножках. Мы садились на эти табуретки, и мужчина создавал над столешницей различные предметы, вслух проговаривая их название, а я повторяла за ним, точно попугай. Но существительные это, как говорится, только полбеда. Вот когда мы перешли к глаголам и прилагательным... Вот тут начался сущий ад. Потому что, да, как и в русском языке, прилагательные у них склоняются, а глаголы спряга-

ются. И мой крохотный мозг при всём желании не мог запомнить такой объём информации. Радовало только одно: гости ко мне больше не приходили. Правда я пока так и не придумала способ спросить у своего сообщника, почему.

Также возникала определённая сложность в трактовке того, что именно Чатьен Васт мне показывал. С существительными всё было просто, вот предмет – вот слово, которое его обозначает. Это же правило работало в отношении большинства качественных прилагательных вроде тех, что обозначают цвет, форму или размер. А дальше начинались проблемы. Вот показывает мне Чатьен Васт человека с выражением злости на лице. Какое слово он пытается объяснить? Злой? Рассерженный? Недовольный? Опасный? Плохой? Или что-то ещё? Понять было решительно невозможно, поэтому приходилось принимать на веру: человек с таким выражением лица обозначается так (хорошо хоть сама форма слова указывала на то, что передо мной: существительное, прилагательное, глагол или местоимение).

Помимо сложностей в освоении языка, появился также ряд проблем психологического свойства. Придя немного в себя и отойдя от первого шока, я наотрез отказалась ходить в местный аналог утки и позволять лекарю себя мыть. Однако физически обслуживать себя я была пока не в состоянии. Вернее, не так: я была не в состоянии дойти до нужного помещения. Руки, к счастью, с каждым днём работали всё лучше и лучше, ела я уже сама, да и с водными процеду-

рами могла справиться. Чатьен Васт относился к моей внезапно пробудившейся стеснительности с неожиданным пониманием (хотя, возможно, причиной его молчаливого принятия моих капризов было то, что он пока был не в состоянии донести своё мнение с тем количеством слов, которое мне было уже известно, а сотрясать воздух понапрасну он считал неприемлемым). По первой моей просьбе лекарь брал меня на руки и относил в нужное помещение, благо, и ванная, и туалет находились на этом же этаже. Туалет, к слову, был как раз такой, какие я ненавижу: деревянный короб с дыркой, под которой стояло ведро – этакий продвинутый вариант сельского сортира. Ванная, впрочем, тоже не отличалась изысками: обычная каморка, посреди которой стояла глубокая бадья, а на стене висело несколько больших отрезков хлопковой ткани, служившей эквивалентом полотенца. Так что для того, чтобы помыться, кто-то сначала должен был подогреть воду и наполнить ею бадью. Со слов Чатьена Васта я знала, что в доме есть слуги, которые выполняют всю грязную работу, но привлекать их к моему обслуживанию было опасно: время от времени я забывалась и могла сказать что-то на своём родном языке. Да и мимика и жесты у меня максимально не соответствовали статусу Сиреновой госпожи поместья Лундун.

К слову о статусе. Из разрозненных картинок, показанных лекарем, я узнала, что являюсь дочерью бэкхрана поместья Лундун (как я поняла, это что-то вроде лорда в Средневеко-

вой Европе, у которого, помимо обширного земельного владения, есть личная армия, он может свободно принимать законы и вершить суд на своей территории, но при этом его владения являются частью единого государства) и его супруги Тэят. Так что, как говорится, сбылась мечта идиота: я-таки стала, пусть и с некоторой натяжкой, принцессой. Мой брат по имени Ришан носил титул Красный господин, а моя мать была Розовая госпожа. Это странное цветовое разделение господ в поместье меня крайне заинтересовало, но я не смогла нормально сформулировать вопрос, поэтому пришлось отложить его до лучших времён.

Когда мы добрались до чисел и цифр, для изучения которых Чатьен Васт принёс ко мне в комнату кучу мелких палочек длиной с мой указательный палец, я наконец-то смогла выяснить возраст своего нынешнего тела. Шесть лет. Узнав это, я мысленно застонала – впереди меня ожидали все прелести взросления, вроде гормональных скачков, прыщей и прочих радостей жизни.

– Сколько вам лет? – спросила я лекаря, старательно выговаривая новые слова. Учитывая, что поправлять Чатьен Васт меня не стал, я всё произнесла правильно.

– Тридцать пять.

«Практически мой ровесник», – подумала я.

– Мне тридцать один.

Чатьен Васт вскинул вверх правую руку – жест, как я недавно узнала, обозначающий «нет».

– Тебе шесть, – твёрдо заявил лекарь.

Вздохнув, я подняла левую руку – жест согласия. Нахмурившись, мужчина подался вперёд – мы, как обычно, сидели на моей постели, я – откинувшись спиной на изголовье, а он на самом краю, – уверенно обхватил меня за локоть и чуть отвёл руку назад, чтобы плечо с корпусом образовало прямой угол, затем немного изменил положение предплечья, поставив его перпендикулярно плечу, и в довершение надавил на ладонь, отгибая её назад – какой-то похожий жест я как-то видела по телевизору в индийских танцах.

– Повтори сама, – строго велел Чатьен Васт, пристально глядя на меня своими холодными светло-кариими глазами.

Вздохнув, я опустила руку вниз, затем подняла её, поставившись поставить так, как он показал. Мужчина вновь был вынужден исправить мою позу: отодвинул локоть и отогнул ладонь. Поза была жутко неудобной, о чём я не преминула сообщить своему истязателю.

– Так нужно, – сухо проговорил он. – Повтори ещё раз.

В итоге следующую пару часов я до изнеможения повторяла жесты согласия и несогласия, мысленно костеря Васта последними словами. А вечером этот горе-врачеватель посчитал, что я вполне готова для того, чтобы начать тренировать мышцы корпуса. В итоге мне пришлось качать пресс в попытках самостоятельно сесть, хоть и держась руками за ладони Чатьена, скрытые перчатками. Сделать данное упражнение мне удалось лишь три раза, да и то удержаться долъ-

ше десяти секунд в вертикальном положении не хватило сил, однако, судя по несколько потеплевшему взгляду, мой надзиратель остался доволен.

– Я хочу ходить, – устало откинувшись обратно на подушку, проговорила я, специально выбирая самую лёгкую на мой взгляд грамматическую конструкцию – модальный глагол полюс инфинитив смыслового глагола. – Когда?

Чатьен Васт что-то ответил, но я не поняла ни слова и недовольно скривилась.

– Я не поняла.

Чатьен Васт тут же исправил моё произношение. Я скривилась повторно: несмотря на всё моё прилежание только каждая десятая фраза звучала правильно. Это угнетало. Ведь в любой момент моё уединение может быть нарушено отцом, матерью или братом. Я не могу до бесконечности изображать проблемы с голосом.

– Не торопись, – нарочито медленно выговорил мужчина, ободряюще коснувшись рукой моего плеча. – У тебя всё получится. Уже получается.

Обречённо вздохнув, я кивнула, за что получила укоризненный взгляд: избавиться от привычки кивать и качать головой у меня никак не получалось. Но ведь это намного удобней, чем размахивать руками, точно ветряная мельница!

После ужина лекарь уже привычно отнёс меня в ванную комнату, где меня ожидала наполненная на треть водой банда. Аккуратно опустив меня в воду прямо в одежде, мужчи-

на пододвинул небольшой столик, на котором стоял флакон с ароматным жидким мылом и лежало «полотенце», после чего вышел за дверь. Я знала, что далеко Чатъен Васт не ушёл – скорее всего, остался стоять прямо под дверью, – чтобы в случае, если что-то произойдёт, он сумел прийти на мой зов. Подобная забота трогала, хоть я и понимала, что по большей части мужчину волнует сохранность этой тушки, ведь в случае моей несвоевременной кончины он отправится следом.

Осторожно размотав завязки, скрепляющие моё платье сбоку – сиреневое, без рукавов, длина которого едва достигала колен, – я сняла намокшую одежду и повесила её на край бадьи. Сама же зачерпнула немного мыла из флакона и принялась втирать вязкую жидкость в волосы. Внезапно какой-то громкий звук, раздавшийся откуда-то сверху прямо над моей головой, привлёк внимание. Насторожившись, я неподвижно замерла, прислушиваясь. Сначала я решила, что мне показалось, но спустя короткий промежуток времени звук повторился.

Судорожно сглотнув, я торопливо смыла мыло с волос и громко позвала:

– Чатъен Васт!

В эту же секунду мужчина вошёл в комнату. Должно быть, на моём лице очень чётко отражался страх, потому что лекарь нахмурился, а его рука ушла за спину, где на поясе висели ножны с кинжалом.

Понимая, что словами объяснить, что именно меня так

напугало, вряд ли получится, я подняла руку и указала на потолок. Чатьен Васт запрокинул голову и внимательно принялся разглядывать доски. В этот момент звук, настороживший меня, повторился в третий раз. Не говоря ни слова, мужчина подошёл к бадье и, не глядя, бросил мне полотенце, в которое я замоталась по мере своих скромных возможностей. Ткань, естественно, моментально намокла, но лекаря это совершенно не смутило. Легко подхватив меня на руки – что немудрено, в этом теле фактически не было веса, только кожа да кости, – Васт стремительно покинул ванную. Я привычно обхватила его шею, довольно тесно прижимаясь к груди, так что без труда расслышала, как заполошно билось его сердце – несмотря на внешнюю невозмутимость, мой надзиратель тоже был напуган.

Добравшись до комнаты, Чатьен Васт осторожно опустил меня на кровать, на краю которой уже лежало подготовленное для меня чистое платье. Я привычно отвела взгляд в сторону: несмотря на то, что в свои тридцать лет невинной девочкой я не была, определённое смущение при необходимости предстать голой при постороннем человеке – тем более мужчине, – всё же присутствовало. И плевать, что это врач, а у меня тощее детское тельце, которое вряд ли сочтёт привлекательным даже самый отбитый на голову педофил.

Проворные руки с длинными музыкальными пальцами быстро облачили меня в платье, поверх которого легло мягкое одеяло, которое я натянула чуть ли не до подбородка.

– Я проверю, – тихо проговорил Чатьен Васт, после чего вытащил из ножен короткий тонкий кинжал и протянул его мне.

Я дрожащей рукой приняла оружие: несмотря на свой малый размер, клинок был довольно тяжёлым, и я не была до конца уверена, что смогу воспользоваться им даже в случае острой необходимости.

«Интересно, какова вероятность, что меня кто-нибудь попытается убить? – мелькнула очень несвоевременная мысль, стоило только за лекарем закрыться двери. – А что, больной шестилетний ребёнок, прикованный к кровати – идеальная мишень. Особенно учитывая, что из охраны у меня только неразговорчивый доктор, который вряд ли сможет конкурировать с какими-нибудь местными ниндзя».

Думать о ниндзя мне ой как не стоило. Потому что в этот самый момент раздался негромкий скрип, а затем ко мне в окно проскользнула фигура, облачённая во всё чёрное.

Естественно, я закричала диким голосом. Нет, ну а что ещё можно сделать в подобной ситуации? Тут же дверь с грохотом открылась, и в комнату, с оголёнными руками, испускающими ослепительно-яркий синий свет, влетел Чатьен Васт. Настолько зверского выражения лица у него я ещё ни разу не видела. В это мгновение мужчина, всегда казавшийся мне чуть ли ни каменным истуканом, напоминал кровавого маньяка или беспощадного берсерка. В несколько шагов преодолев путь до окна, Чатьен Васт одним ударом

руки отбросил в сторону тёмную фигуру, которая, издав жалобный писк, тут же сползла по стене. Капюшон, скрывающий лицо, спал, и с моих губ сам собой сорвался изумлённый вскрик:

– Ришан!

Потому что, да, таинственной фигурой во всём чёрном оказался мой девятилетний брат, которому по какой-то неведомой причине взбрело в голову ввалиться ко мне в комнату мало того, что практически ночью, так ещё и через окно.

Ладони лекаря погасли. Не скрывая раздражения в голосе, мужчина принялся что-то быстро втолковывать мальчишке, нависая над ним, точно следователь на допросе. Ришан, сооротив жалобную мордашку, что-то невнятно блеял в ответ, однако мне с моими скудными познаниями не удалось разобрать ни слова.

– Чатьен Васт, – позвала я лекаря, решив поступить по-сестрински и «переключить огонь на себя». Мужчина тут же резко повернулся ко мне. – Не надо.

Лекарь наградил меня хмурым взглядом, после чего скрестил руки на груди. Ришан же, сообразив, что продолжения выволочки не будет, широко улыбнулся, проворно вскочил на ноги и стремительно приблизился к кровати.

– Я приношу свои извинения, – придав лицу серьёзное выражение, проговорил он, после чего сложил руки на груди, соединив подушечки больших пальцев, словно изображая летучую мышь, и поклонился мне. После чего он ска-

зал ещё что-то, что я не вполне разобрала, уловила только какую-то незнакомую форму слова «страх» и «вина».

В последнюю секунду остановив себя от мотания головой, я приложила к шее над ключицей указательный и средний палец правой руки, призывая брата к молчанию. Глаза моего надзирателя сузились – видимо, я допустила какую-то неточность в исполнении этого жеста. Впрочем, судя по выражению лица Ришана, он либо не заметил ошибки, либо не придавал ей значения. Продолжая улыбаться, мальчишка плюхнулся на край постели и обхватил руками мою ладонь точно так же, как и в нашу первую встречу.

– Я рад... – несмотря на просьбу помолчать, вновь заговорил он, и не затыкался следующие минут десять точно. При этом мне опять не удалось разобрать ни слова из того, что он говорил.

«Плохо, – подумала я, старательно изображая внимательного слушателя. – Такими темпами на люди я смогу показаться только лет через сто. Кстати, надо будет непременно спросить у Васта, какова здесь средняя продолжительность жизни».

Через некоторое время бесконечная болтовня Красного господина поместья Лундун, видимо, надоела лекарю. Дождавшись небольшой паузы между фразами, Чатьен Васт что-то сказал мальчику негромким, но твёрдым голосом. На круглощёкой мордашке тут же отразилось огорчение.

– Я ещё приду, – пообещал мне Ришан, после чего засу-

нул руку в карман плаща и достал оттуда какой-то фрукт лилового цвета с мелкими красными пятнышками, который и вложил в мою ладонь. — Доброй ночи, Шиануся.

И ушёл, на этот раз, видимо разнообразия ради, воспользовавшись дверью.

— Я ничего не поняла, — дождавшись, пока стихнут шаги за дверью, обречённо призналась я.

Чатьен Васт наградил меня странным взглядом.

— Брат любит тебя, — через некоторое время, явно старательно подбирая слова, чтобы одновременно и точно передать суть, и чтобы я смогла понять, сказал он. — Он спрашивает о тебе каждый день.

Я нахмурилась.

— Почему?.. — я замолчала на полуслове, не в силах правильно сформулировать вопрос — слов в моём запасе всё ещё катастрофически не хватало. Впрочем, когда это меня останавливало? Пришлось импровизировать. — Никого нет. Ты и я. Почему?

— Нельзя, — последовал лаконичный ответ.

О, вот это слово я знаю прекрасно! Мой надзиратель повторял его по сто раз на дню. Иногда меня так и подмывало спросить: а что мне вообще можно? Но я не могу этого сделать. Потому что, как минимум, не знаю, как звучит слово «можно».

Дни сменялись один другим, и я медленно, но верно сходила с ума. Вынужденная изоляция, щедро сдобренная постоянным стрессом и изматывающими нагрузками как физическими, так и интеллектуальными, сделала своё дело: не выдержав морального давления, я начала скрываться на единственном человеке, находящемся рядом со мной.

– Ненавижу! – в один из дней у меня окончательно сорвало крышу, и я запустила в лекаря чашей с травяным настоем, от которой тот, впрочем, довольно ловко увернулся. Чаша ударилась об пол и со звоном развалилась на несколько неровных осколков, а её содержимое жёлто-зелёной лужей растеклось по полу. – Исчезни! Сдохни!

Первое слово я выкрикнула на местном языке, а вот два других – на своём родном. Стоило только мне перейти на родную речь, Чатьен Васт тут же оказался рядом и решительно накрыл ладонью мой рот. Внутри меня всё ещё клочкотала ярость, так что я не придумала ничего лучше, как укусить его за палец. Мужчина изумленно ахнул и отдернул руку, наградив меня укоризненным взглядом: я умудрилась прокусить тонкую кожу между большим и указательным пальцами, и теперь из ранки вытекали крупные капли алой крови, почему-то переливающейся голубоватыми бликами.

Тяжело дыша, точно загнанная лошадь, я с сожалением

смотрела на отпечатки своих зубов на чужой ладони. Гнев уже успел отступить, оставив после себя горькое послевкусие.

Лекарь каменным истуканом замер возле меня. Вторая его рука придерживала меня за плечо, страхуя от возможного падения с кровати, так как, несмотря на все тренировки, я всё ещё не была способна очень долго самостоятельно поддерживать корпус в вертикальном положении. Я мрачно уставилась на чужую ладонь на своём плече, затем перевела взгляд на пятна крови на бледной коже.

Тяжело вздохнув, я сложила руки под грудью, изображая «летучую мышь», и слегка наклонилась вперёд:

– Я приношу свои извинения, – проговорила я клише-фразу, принятую здесь.

– Нет нужды, – последовал не менее клишированный ответ, произнесённый безжизненным голосом.

Я по привычке дёрнула головой, но остановила себя на середине этого произвольного жеста, после чего вскинула правую руку в жесте «нет», старательно придав кисти нужное положение.

– Есть нужда, – возразила я. – Я... – мне, как всегда, не хватило слов, чтобы выразить всю глубину своего сожаления, поэтому я взяла мужчину за руку, понукая его установить ментальный контакт, чтобы я могла просто передать ему свои эмоции напрямую.

– Нет, – последовал категоричный ответ. Кровать тихо

скрипнула под весом Чатьена Васта, когда он опустился на край совсем близко ко мне, чего раньше никогда не делал, предпочитая сохранять между нами социально приемлемую дистанцию. – Ненавидь меня, но говори со мной. Говори неправильно. Я буду исправлять. Я помогу.

– Я знаю, – я вцепилась мёртвой хваткой в широкий рукав ханьфу лекаря. – Я не хотела обидеть вас.

Чатьен Васт тут же исправил последнюю фразу, и я тяжело вздохнула: вот в этом и была, в общем-то, проблема. Время шло, а у меня складывалось такое ощущение, будто я стою на месте. Это убивало.

– Я устала, – призналась я. – Ничего не получается.

– Ложь, – возразил Васт. – У тебя всё получается. Ты несправедлива к себе. Дай себе ещё время.

Я недовольно скривилась.

– А оно есть? – я прямо посмотрела в спокойные карие глаза напротив. – Нельзя прятаться вечно.

– Нельзя, – согласился лекарь. – В этом нет нужды. Но и спешки нет. Продолжай заниматься.

Очередной тяжкий вздох сорвался с моих губ. Взгляд вновь сам собой вернулся к следам моих зубов на чужой руке.

– Я сожалею, – кивнув на рану, повторила я, затем вновь склонилась в просьбе прощения: – Я приношу свои извинения.

Руки лекаря привычно легли на мои локти, слегка при-

поднимая их вверх, корректируя позу.

– Я принимаю твои извинения, – отозвался мужчина фразой, которую я так хотела услышать, но которую по правилам нельзя было произносить в ответ на извинения. – Продолжай заниматься.

До позднего вечера Васт был занят какими-то своими делами в соседней комнате, примыкающей к моей. Я же посвятила время попыткам растормошить собственные вялые нижние конечности: я поставила перед собой цель встать на ноги и дойти до окна, чтобы увидеть что-то, кроме опостылевших четырёх стен. После нескольких часов экзекуции встать мне всё-таки удалось. Правда на этом успех и закончился: продержавшись на ногах от силы секунды три, я навзничь плюхнулась на пол, разразившись истеричным смехом. На шум, естественно, сразу же явился Чатьен Васт.

– Что случилось? – насторожено спросил он, застав меня разлёгшейся на полу.

– Не хочу лежать, – объяснила я. – Хочу на улицу.

– Нельзя, – последовал привычный ответ.

– Я знаю, – горько усмехнувшись, отозвалась я, после чего с тоской посмотрела в сторону окна. Лекарь проследил направление моего взгляда, после чего нагнулся, осторожно подхватил меня под колени и спину, но вместо того, чтобы вернуть на кровать, подошёл вместе со мной к окну.

Прямо перед окном росло огромное раскидистое дерево, покрытое мелкими бледно-жёлтыми цветками, напоминав-

шими цветы вишни. Мимо него шли несколько дорожек, выложенных камнями. Между дорожками ровным ковром зеленела трава. Подняв голову, я увидела кристально чистое небо, окрашенное багрянцем заходящего солнца.

«Как красиво», – восторженно подумала я, удобней уставляя голову на крепком плече лекаря.

– Спасибо, – улыбнувшись, тихо сказала я на своём родном языке, а затем, наткнувшись на предостерегающий взгляд карих глаз, добавила уже на местном наречии: – Я благодарю вас.

– Нет нужды, – последовал положенный ответ.

В этот раз я не стала возражать, хотя и была в корне с этим не согласна. Всё-таки странные у местных обычаи и правила. Зачем на благодарность и извинения отвечать этим холодно-отстранённым «нет нужды»? Да и почему эти самые слова благодарности и извинения могут быть произнесены одним единственным, чётко определённым способом? Ведь подобная клишированность превращает фразу в простой набор звуков, который ничего, в общем-то, не значит ни для говорящего, ни для слушающего.

Позволив вволю налюбоваться закатом, Чатъен Васт отнёс меня обратно в кровать.

– Не тренируйся одна, – попросил он перед тем, как погасить свечу на прикроватной тумбочке. – Ты можешь пораниться.

Его голос, обычно сухой и безжизненный, сейчас казался

наполненным какими-то сложными эмоциями, определить которые мне оказалось не под силу.

– Не буду, – пообещала я. – Доброй ночи.

– Доброй ночи.

Первый шаг

Встав один раз на ноги, я, естественно, не собиралась останавливаться на достигнутом. И сколько бы Чатъен Васт ни увещевал меня, я продолжала упорно тренироваться, доводя своё многострадальное тело до полного изнеможения. Однако моё мазохистское упрямство принесло свои плоды: спустя неделю я уже была в состоянии пройтись по комнате, пусть и поддерживаемая под руку мрачным лекарем.

Освоение языка тоже ни шатко, ни валко, но двигалось вперёд. Мой словарный запас увеличивался с каждым днём, да и в простых предложениях, особенно произносимых от первого лица, я перестала допускать ошибки. Теперь оставалось дело за малым: довести до автоматизма жесты, позы и мимику и усвоить хотя бы азы этикета.

Моё знакомство с этикетом началось с... одежды. Как оказалось, то простое платье без рукавов, в котором я до этого валялась в постели – всего лишь часть крайнее сложного, многослойного одеяния, которому традиционное китайское ханьфу, столь обожаемое мной, и в подмётки не годилось.

Когда лекарь в первый раз разложил на постели полный комплект одежды, который мне предстояло носить ежедневно, я на мгновение даже растерялась.

– Что это? – спросила я, осторожно, самыми кончиками пальцев подцепляя ткань нежного сиреневого цвета.

– Твоя одежда, – последовал лаконичный ответ. – Ты должна научиться её надевать, снимать и правильно носить.

Я лишь обречённо вздохнула: за последнее время словосочетание «должна научиться» стало моим жизненным кредо. И, соответственно, начало вызывать нечто сродни нервному тик.

Моё повседневное платье состояло из нескольких частей: нательного белья, – облегающие хлопковые бриджи и широкий отрез ткани, обматывающийся вокруг тела наподобие топа и закрепляющийся на спине несколькими крючками, – нижнего платья, называемого фурди – того самого, без рукавов и длиной по колено, которое я всё это время спокойно носила, ошибочно принимая за полноценный наряд, – и, наконец, верхнего платья – цэхиня, – точной копии хорошо знакомого мне ханьфу. Помимо этого на официальных приёмах и на улице мне также полагалось носить шёлковый жилет без пуговиц – символ принадлежности к аристократической семье.

Однако количество носимой одежды было не главной проблемой. Проблемой стали её застёжки. Многочисленные крючочки, завязки и ленты, стягивающие куски ткани в единое целое, и у каждого свой индивидуальный способ завязывания! Раз за разом под внимательным взглядом Чатьена Васта перевязывая очередную ленту на цэхине, я с надеждой ожидала тот священный миг, когда ко мне будет допущена служанка, которая будет мучиться со всеми этими верёвоч-

ками/тесёмочками вместо меня.

После того, как наука одевания была мною с грехом пополам усвоена, мой надзиратель перешёл к другой, не менее важной части обучения: походке и движениям. Изю дня в день этот жестокий человек заставлял меня ходить по комнате с «правильным разворотом плеч и наклоном головы», садиться на стул и вставать с него, поворачиваться в случае, если меня кто-то позвал и наклоняться, если нужно, например, что-то поднять с пола. И для каждого действия существовал определённый набор движений и поз, выверенных чуть ли не до миллиметра! Стоило мне лишь немного ссутулиться или наклонить голову чуть сильнее или слабее, как я тут же получала ощутимый удар по ягодицам хлёткой веткой, которую Васт специально принёс для моего воспитания, и даже не скрывал этого. Мои возмущения о чересчур садистских методах преподавания лекарь благополучно игнорировал.

Ришан с завидной регулярностью – примерно раз в три дня, – навещал меня незадолго до сна, влезая в окно, точно какой-нибудь воришка. Зачем ему это было нужно, если обратно он уходил традиционным способом – через дверь, – мне было решительно непонятно. Возможно, таким образом проявлялся его бунтарский дух, ведь лекарь всё ещё запрещал посещать меня кому бы то ни было, и непоседливый характер.

– Ты хорошо выглядишь, – в очередной визит заметил Ришан сразу после того, как забрался ко мне в комнату. В руке

он держал цветок на тонкой ножке с яркими фиолетовыми лепестками. – Вот, я тебе принёс эолу, – протянув мне цветок, заявил мальчик, а затем с гордостью добавил: – Я её сам сорвал!

Я понятия не имела, что такого особенного в этом цветке, но всё равно с радостью приняла дар: в прошлой жизни цветы мне дарили крайне редко, да и то в основном родители на день рождения. А тут такая красота и без какого-либо повода.

– Я благодарю тебя, – улыбнувшись, тщательно выговорила я фразу-клише, а затем, чтобы ответ не казался слишком сухим и безэмоциональным, добавила: – Она очень красивая.

Голубые глаза мальчика засветились неподдельным счастьем.

– Когда Чатъен тебя отпустит? – с недовольными нотками в голосе спросил Ришан. – Ты не выглядишь больной. Почему он всё ещё держит тебя здесь?

Мне нечего было ему на это ответить. С момента моего пробуждения прошло уже два месяца – колоссальный срок, если задуматься. Только вот мне он казался смехотворным, особенно если смотреть на него в перспективе того количества информации, которую мне ещё предстояло усвоить, чтобы достоверно изображать Сиреневую госпожу поместья Лундун.

– Я не знаю, – посчитав, что совсем оставить вопрос брата

без ответа будет невежливо, сказала я.

Ришан нахмурился.

– Я поговорю с отцом, – непреклонным тоном заявил он. – Тебе пора возвращаться домой.

– Нет нужды, – поспешно сказала я. – Мне здесь хорошо.

Ришан вспыхнул: очевидно, мои слова по какой-то причине сильно его задели. Подавшись вперёд и уже привычно схватив меня за руку, мальчик начал что-то очень быстро мне втолковывать, только вот я совершенно не успевала за ним, так что смысл его слов от меня ускользнул, как сквозь пальцы песок.

К счастью, Чатъен Васт, похоже, обладал звериным нюхом на непрошенных гостей. Стоило только Ришану закончить свою прочувственную речь, как дверь спальни открылась, и в комнату вошёл мой надзиратель.

– Красный господин, – сухо проговорил лекарь, наградив мальчика мрачным взглядом, – вы вновь нарушили мой запрет. Прошу вас уйти, иначе я сообщу бэкхрану о вашем недостойном поведении.

Ришан, до этого сидевший на краю постели, вскочил на ноги и, отчаянно жестикулируя, принялся что-то гневно объяснять Чатъену Васту. Полностью понять его речь мне опять не удалось, но слова «несправедливость», «заложница» и «отец» я уловила чётко.

– Ришан, – негромко, но твёрдо позвала я брата, решив для разнообразия встать на сторону своего надзирателя. –

Хватит.

Мальчик резко замолчал, словно ему выключили способность говорить, и с недоумением посмотрел на меня.

— Уже поздно, — продолжила я говорить максимально спокойным тоном. — Я устала.

А вот эти слова оказали на моего брата просто волшебное действие: моментально растеряв весь запал, Ришан торопливо попрощался, пожелал мне доброй ночи и ушёл, правда в дверях послал лекарю настолько красноречивый взгляд, не сулящий тому ничего хорошего, что я едва удержалась от смешка.

— Зачем ты его впускаешь? — спросил Чатьен Васт после того, как мы в комнате остались одни.

— Я не могу его не впустить.

Мужчина наградил меня нечитаемым взглядом. Пройдя к окну, он одним уверенным движением запахнул деревянные ставни, закрыв их на мощный засов, после чего повернулся ко мне и вопросительно вскинул бровь, как бы спрашивая: «А сама ты так не могла сделать?». Я лишь насмешливо фыркнула на подобное решение проблемы ночных визитов Ришана.

— Если не войдёт в окно, войдёт в дверь, — заметила я.

Чатьен Васт тут же поправил придаточную часть предложения, при образовании которой я умудрилась допустить сразу три ошибки. Мне оставалось лишь обиженно поджать губы: терпеть не могу, когда у меня что-то не получается.

Синдром отличницы, будь он неладен.

– Я не могу говорить только с тобой, – выдержав короткую паузу, сказала я. – Ты щадишь меня. Это не поможет мне говорить.

Чатьен Васт нахмурился.

– Что, по-твоему, тогда поможет?

– Другие люди, – уверенно ответила я. – Они не будут меня жалеть.

– Я не жалею тебя, – возразил лекарь. – Я помогаю.

– Я вижу это по-другому.

Мужчина скрестил руки на груди, так и оставшись стоять возле закрытого окна.

– Тебя разоблачат, – уверенно заявил он. – А потом казнят. И меня вместе с тобой.

А вот это уже было обидно! Я не настолько глупа, чтобы со своими тренировками соваться к отцу, матери или кому-то из вихо – местному аналогу старейшин вечевого строя Древней Руси.

– Ты сказал мне: «ты не можешь прятаться вечно», – напомнила я лекарю. – Я согласна. Ты сделал очень много. Теперь я должна выйти к людям.

Чатьен Васт несколько секунд сверлил меня нечитаемым взглядом.

– Хорошо, – наконец, сдался он. – Завтра я приведу служанку. Начнёшь с неё.

Проснувшись следующим утром, я непроизвольно вздрогнула: возле моей кровати навытяжку стояла молодая девушка лет двадцати, с копной огненно-рыжих волос, в простом хлопковом платье тёмно-серого цвета в пол, с длинными рукавами, плотно обхватывающими руки, и скромным вырезом-лодочкой.

– Доброе утро, Сиреневая госпожа, – низко склонив голову, проговорила девушка. – Моё имя Чала, с этого дня я буду вам служить.

– Доброе утро, – выдавила я из себя, немного растерявшись спросонья. Нет, я, конечно, помнила, что Чатьен Васт вчера пообещал привести мне служанку, но я даже предположить не могла, что это произойдёт прямо с самого утра и без маломальского предупреждения! А если бы я с перепугу что-нибудь ляпнула на своём родном языке?

– Желаете умыться? – продолжая смотреть в пол, спросила служанка. – Или мне сразу приготовить одежду?

– Где Чатьен Васт? – я решила проигнорировать её вопросы, поскольку чувствовала себя максимально неловко в положении этакой барыни.

– Чатьен ещё не выходил из своей комнаты, – последовал незамедлительный ответ. – Позвать его?

– Нет нужды, – покачала я головой. – Прошу тебя, уйди.

Девушка вздрогнула, как от удара, и впервые с момента моего пробуждения подняла голову: в серо-зелёных глазах плескался панический ужас.

– Сиреневая госпожа... – обращение было единственным, что я смогла разобрать, когда Чала начала вдруг быстро-быстро что-то говорить, громко всхлипывая и нещадно хлюпая носом.

– Чатьен Васт!

Не выдержав несчастного взгляда девушки и её же несколько визгливого голоса, закричала я, решив положить конец этому спектаклю. В том, что мой надзиратель специально подобрал такую служанку, от которой мне захочется избавиться в ту же секунду, как её увижу, я даже не сомневалась.

Как обычно на мой зов лекарь отозвался мгновенно, словно стоял под дверью и только и ждал, когда с моих губ сорвётся его имя.

– Вы звали меня, госпожа? – мужчина неторопливо вошёл в комнату и замер в изножье постели с абсолютно невозмутимым выражением лица, при этом начисто игнорируя рыдающую служанку.

– Да, – сузив глаза, я наградила лекаря недовольным взглядом. – Я хочу с тобой поговорить.

Чатьен Васт повернулся к Чале и строго велел: «Выйди». Ослушаться его девушка не посмела. Низко поклонившись сначала мне, а затем и лекарю, Чала поспешно покинула

ла комнату, бесшумно закрыв за собой дверь.

– Это было жестоко, – сухо заметила я, откидывая тонкое одеяло в сторону, совершенно не смущаясь того, что остаюсь перед лекарем в одном полупрозрачном ночном платье. В конце концов, чего он там за это время не видел?

– Это было твоё желание, – напомнил тот, сохраняя привычное арктическое спокойствие. Просто мраморная статуя, а не человек.

Я послала ему укоризненный взгляд.

– Я не этого хотела.

– Тебе нужна была служанка, чтобы говорить с ней, – голосом Чатьена Васта можно было заколачивать сваи. – Я выполнил твоё желание.

Я недовольно поджала губы: в дальнейшем споре не было никакого смысла. Что бы я ни сказала, этот упрямец всё равно не изменит своего мнения.

– Ты не научил меня с ней говорить, – напомнила я после небольшой паузы. – В моём мире нет слуг.

При упоминании моего мира лекарь привычно нахмурился и послал мне предупреждающий взгляд, который я благополучно проигнорировала. Мы всё равно были одни, и я говорила достаточно тихо, чтобы даже если служанка осталась подслушивать под дверью, ей ничего бы не удалось разобрать.

– Слуги нужны, чтобы выполнять поручения, – ровным голосом проговорил Чатьен Васт, в этот раз не став заострять

внимание на моей вопиющей неосмотрительности и легкомысленности. – Отдавай приказы – этого достаточно.

– Никаких правил на этот счёт? – я даже удивилась. За время общение с лекарем мне показалось, что в этом мире урегулировано абсолютно всё вплоть до того, как часто и глубоко человек должен дышать.

– Никаких.

Это меня немного успокоило.

– Хорошо.

Обречённо вздохнув, я повернулась к двери и, немного повысив голос, позвала: «Чала!»

Дверь тут же открылась, и девушка поспешно вошла в комнату, замерев в паре шагов от меня с низко опущенной головой. Мне крайне не понравилось её заплаканное лицо – подобная реакция на простую просьбу выйти мне показалась странной.

– Я хочу помыться, – стараясь, чтобы голос звучал уверенно, сказала я. – Подогрей и принеси воду.

– Да, Сиреневая госпожа.

Получив чёткий приказ, девушка заметно оживилась и опрометью бросилась его исполнять

– Почему она плакала? – дождавшись, пока её шаги стихнут, спросила я у своего надсмотрщика.

– Что ты ей сказала? – вопросом на вопрос ответил тот.

Я неопределенно пожала плечами, за что получила очередной недовольный взгляд мужчины – старые жесты то и

дело прорывались, как я ни старалась от них избавиться.

– Всего лишь попросила уйти.

– Ты так и сказала? – уточнил Васт. – Уйди? Не выйди, а уйди?

Теперь настала моя очередь хмуриться.

– Да, – подтвердила я после короткой заминки. – Я неправильно сказала?

– Для слуги слово «уйди» означает «ты не справился со своими обязанностями, уйди и не возвращайся», – спокойно объяснил лекарь. – Для любого слуги это равносильно смерти. Потеряв работу, он не сможет найти другую – никто не примет на службу человека, которого выгнали. Считается, что он непригоден для работы.

– Жестоко, – заметила я. – А если сказать выйди?

– «Выйди», означает «оставь меня, сейчас я не нуждаюсь в тебе, но когда ты понадобишься, я тебя позову».

Я в очередной раз тяжело вздохнула. Все эти нюансы в словах, жестах и прочих мелочах, которым я прежде не придавала значения, изрядно меня выматывали. Я была просто физически не в состоянии уследить сразу за всем. Это угнетало и, одновременно, заставляло моё сердце замирать от страха. Время шло, и ни я, ни Чатъен Васт не могли точно сказать, когда наше уединение будет окончательно нарушено. Сейчас, когда я пришла в себя и практически полностью восстановилась физически, вопрос «выхода в свет» был лишь вопросом времени. Удержать Ришана от визитов ока-

залось практически нереально, что уж говорить о бэксхране и его супруге, которым наверняка вскоре захочется увидеть собственную дочь.

Полежав минут десять в горячей воде, при этом вежливо отказавшись от помощи Чалы в мытье, вместо этого велев девушке приготовить мне повседневную одежду, я морально приготовилась к долгому, трудному дню: не считая коротких встреч с братом, в этом мире я не общалась ни с кем, кроме своего надзирателя. Естественно, я немного опасалась чем-то выдать своё иномирное происхождение. Однако желание узнать что-то новое пересилило страх. Ещё в детстве мама всегда говорила, что мой девиз «слабоумие и отвага». Я всегда возмущалась подобной характеристике. А сейчас, пожалуй, готова согласиться. Шило в одном месте, как говорится, не утаишь. И я не про мешок.

Когда я вернулась в свою комнату, там меня уже ожидала Чала с разложенными на кровати предметами моего гардероба – всё сплошь сиреневого цвета. Как объяснил мне однажды Чатьен Васт, в поместье Лундун было принято облачаться в цвета, соответствующие титулу. Сиреневый, конечно, никогда не был моим любимым цветом, но и особого отторжения не вызывал, поэтому я легко смирилась с данным правилом.

С нательным бельём я справилась без труда, у бриджей было всего три завязки: одна на поясе и две под коленями – так что затруднений они у меня не вызвали. Фурди завязы-

валось спереди на груди на манер корсета, причём ленты перехлёстывались в определённой последовательности – после многочисленных тренировок под присмотром Чатьена Васта с этой миссией я тоже научилась справляться. А вот цэхинь – верхнее платье, которому, по сути, уделялось самое большое количество внимания, – вызывал у меня чуть ли не панический страх. Потому что мало того, что у него была сложная шнуровка на спине, так ещё и по боковым швам по всей длине от подола до подмышек шёл ряд мелких крючков, часть которых – те, что шли до середины бедра, – можно было расстегнуть в случае, если, например, нужно оседлать лошадь или танцевать.

Пока я разбиралась с нательным бельём и нижним платьем, Чала стояла возле окна всё в той же позе: слегка ссутулившись и почтительно склонив голову. Мне это зрелище совершенно не понравилось, но как сделать замечание, не вызвав новую волну истерики или, что ещё хуже, не нарушив какое-нибудь негласное правило, о котором Чатьен Васт мог просто забыть мне рассказать, я не знала, поэтому, скрепя сердце, молчала. Добравшись до цэхиня и немного повертев его в руках, я обречённо вздохнула и повернулась к служанке:

– Чала, помоги мне.

Девушка в эту же секунду оказалась возле меня и осторожно, стараясь не задеть моих пальцев своими, забрала цэхинь. Не дожидаясь её просьбы, я расставила руки в сторо-

ны, чтобы Чале было проще меня одевать. Мягкая ткань, похожая на шёлк, только более плотная, нежно скользнула по моим рукам. В абсолютной тишине, нарушаемой лишь пением птиц за окном да шелестом ткани, девушка проворно справилась сначала со шнуровкой на спине, а затем и с крючками. Бросив беглый взгляд в небольшое прямоугольное зеркало, стоящее на прикроватной тумбочке, я удовлетворённо хмыкнула: вид был вполне приличный.

– Чала, я благодарю тебя, – повернувшись к девушке, проговорила я.

Глаза служанки тут же стали огромными, как блюдца.

– Сиреневая госпожа, что вы такое говорите, – испуганным шёпотом отозвалась она. – Вы не должны меня благодарить!

Я недовольно поджала губы. Мне хотелось сказать, что хорошо выполненная работа заслуживает благодарности, но, несмотря на то, что словарный запас уже позволял мне это сделать, я промолчала, будучи не уверенной в том, что смогу произнести столь длинную фразу без ошибок.

Не допустив Чалу до своих волос, тяжёлой тёмной гривой спадающих на спину, я отправила служанку за завтраком, а сама опустилась на стул перед зеркалом и принялась сосредоточенно водить деревянным гребнем с редкими зубцами по волосам. Лицо, смотрящее на меня из зеркала, мне совершенно не нравилось. Бледная, практически прозрачная кожа, сквозь которую на шее и висках отчётливо проступа-

ли синие вены; чересчур пухлые, кукольные губы и глубоко посаженные глаза странного цвета – не то серые, не то бледно-жёлтые. Одно радовало – волосы были просто загляденье: густые, длинные, иссиня-чёрного цвета. В прошлой жизни о такой шевелюре со своими тонкими тремя волосинками на всю голову, которые ещё и постоянно секлись, я могла только мечтать.

– Тебе стоит заняться волосами, – заметил Чатъен Васт, бесшумно входя в комнату. Если бы я не видела его отражение в зеркале, наверняка бы испугалась. – Нельзя ходить так.

Я недовольно скривилась. Ещё чуть-чуть, и я буду реагировать на это его «нельзя», как бык на красную тряпку тоreadора.

– Хорошо, – покладисто отозвалась я, решив не устраивать подростковые бунты на пустом месте. – Я попрошу Чалу.

В этот момент девушка как раз вошла в комнату с подносом в руках.

– Завтрак, Сиреневая госпожа, – поставив поднос на стол возле окна, сообщила она, вновь почтительно склонив голову.

– Шиануся, – поправила я, посчитав, что это имя звучит намного лучше, чем Сиреневая госпожа. – Называй меня так.

Судя по испуганному выражению лица девушки и тому, как мгновенно посерело лицо моего надзирателя, я сказала

что-то не то.

– Сиреневая госпожа, – голос Чалы дрожал. Казалось, ещё чуть-чуть, и она вновь разрыдается. – Я не могу... так нельзя...

Я почувствовала, как внутри медленно начинает закипать раздражение.

– Я – Сиреневая госпожа поместья Лундун, – пафосно проговорила я, чеканя каждое слово. – Ты – моя служанка. Я решаю, что можно, а что нельзя.

– Да, Шиануся, – Чала отвесила мне низкий поклон.

– Выйди, – распорядилась я, поднимаясь со стула и направляясь к столу.

– Это было опрометчиво, – оставшись со мной наедине, заметил лекарь отстранённо.

– Ты сказал, что правил для общения со слугами нет, – напомнила я. Чатъен Васт в очередной – должно быть уже тысячный – раз исправил образование придаточной части. Я только зло закусила нижнюю губу: ну, я ведь помнила об этом ещё вчера! Специально заострила внимание именно на этой грамматической конструкции, и всё равно ошиблась ровно в том же месте.

– Правил нет, – подтвердил лекарь, привычно проигнорировав моё недовольное пыхтение из-за замечания относительно речи. – Но есть нормы морали. Личное имя нельзя использовать посторонним. Только семье. Для всех остальных – особенно слуг, – существует титул.

– Мне он не нравится, – скривившись, сказала я. – Сложный и длинный. Лучше Шиануся. – Внезапно мой разум зацепился за одну нестыковку, и я с подозрением посмотрела в карие глаза своего надзирателя. – Ты называешь меня по имени. Но ты не член семьи.

Ни единый мускул не дрогнул на его лице.

– Я называю тебя по имени только когда мы одни, – заметил он. – На людях для меня ты Сиреневая госпожа или просто госпожа.

– А ты для меня? – уточнила я.

– Чатьен или Чатьен Васт.

Поскольку мы были одни, я решила всё-таки задать давно интересующий меня вопрос.

– Что значит «Чатьен»? – спросила я. – Я имею в виду, в моём мире у людей три имени: личное имя, фамилия – это что-то вроде обозначения семьи, к которой человек принадлежит, и отчество – оно образуется от имени отца.

Во взгляде лекаря отразилось недовольство: его, очевидно, раздражало, что я упорно продолжаю упоминать другой мир и прошлую жизнь. Но разве возможно иначе? Сравнения неизбежны.

– Фамилий нет, отчества тоже нет, – всё же снисхошёл он до объяснений. – Только личные имена. Ты – Шиануся. Я – Васт. Чатьен – это звание. Означает, что я прошёл обучение и могу лечить людей, а также брать учеников и передавать свои знания им.

– А-а-а, – протянула я. Я-то всё время про себя называла Васта лекарем. А он оказывается чатьен. Что ж, теперь буду иметь в виду.

Добравшись до стола и опустившись на табурет, я с изумлением уставилась на поднос. Помимо двух стандартных пил с недо-овсянкой и травяным настоем здесь была плоская тарелка с чем-то, напоминающим мясной гуляш с листьями какой-то травы. Но, что самое изумительное, рядом с тарелкой лежала обычная деревянная ложка!

Растеряно моргнув, я взяла в руки ложку и повернулась к чатьену.

– Что это? – спросила я, указывая на предмет в своей руке.

– Ложка, – последовал лаконичный ответ.

– Я вижу, – мрачно отозвалась я. – Но почему я вижу её только сейчас?

– Я не знал, умеешь ли ты ею пользоваться, – голос Васта остался всё так же спокоен, практически равнодушен. – Кроме того, я не давал тебе ничего, что требовало бы её использования.

Я возмущённо закатила глаза и переключила своё внимание на завтрак. Всё-таки Васт ещё тот хитрый жук. На первый взгляд кажется таким серьёзным, непробиваемым человеком, но с ним нужно постоянно держать ухо востро – того и глядя устроит какую-нибудь мелкую подлянку.

Мой завтрак внезапно прервал звук открывающейся двери. Подсознательно понимая, что Чала не стала бы входить

без прямого приказа, я, судорожно сглотнув, обернулась. На пороге, облачённый в тёмно-зелёный схинь (мужской аналог цэхиня, немного отличающийся по крою), стоял Эльзир – бэкхран поместья Лундун и по совместительству отец Шинануси. Мой отец.

«Вот и пришёл конец спокойной жизни, – обречённо подумала я, откладывая ложку в сторону и поднимаясь из-за стола, чтобы приветствовать бэкхрана как подобает. – Теперь пан или пропал».

Воссоединение семьи

– Отец.

Я расправила плечи и сложила руки под грудью, после чего левой рукой коснулась сначала центра лба, затем середины грудной клетки, в завершении вернула руку обратно под грудь и поклонилась.

– Шиануся.

Тонкие губы мужчины тронула мягкая улыбка, и он тут же грациозно ответил на приветствие, с точностью повторив мои действия.

– Бэкхран, – чатьен Васт величественно проделал жест-приветствие, при этом умудрившись не отводить взгляда от лица хозяина поместья Лундун. – Рад приветствовать вас в лине.

– Чатьен Васт, – при взгляде на чатьена лицо бэкхрана приобрело суровое выражение. – Я желаю говорить с тобой. Зайди ко мне после того, как закончишь здесь.

– Разумеется, бэкхран.

Смерив моего надзирателя хмурым взглядом, Эльзир вновь повернулся ко мне, и глубокая морщина, пролежавшая между его бровей, мгновенно разгладилась, а голос потеплел.

– Как ты себя чувствуешь?

Вопрос был простой, мы с Вастом многократно репетиро-

вали ответ на него, но я всё равно ощутила предательский холодок, скатившийся вдоль позвоночника.

– Хорошо, – через силу выдавила я.

– Вижу, голос к тебе вернулся, – удовлетворённо проговорил Эльзир.

– Да, – подтвердила я, судорожно стиснув пальцами ткань цэхиня, пытаюсь унять нервную дрожь. – Мы с чатьеном Вастом завтракали. Вы составите нам компанию, отец?

Моё обращение на «вы» заставило обоих мужчин напрячься. Эльзир нахмурился, а чатьен и вовсе, кажется, перестал дышать.

– Нет, Шиануся, боюсь, у меня сейчас есть дела, – вежливо отказался бэкхран. – Приятного аппетита.

– Благодарю, – отозвалась я.

Наградив Васта нечитаемым взглядом, Эльзир покинул комнату, бесшумно прикрыв за собой дверь. Я почувствовала, как мои колени предательски подогнулись, и тяжело опустилась на стул.

– Я всё испортила? – дрогнувшим голосом спросила я, посмотрев на побледневшее лицо чатьена.

– Нет, – уверенно ответил тот. – Я не член семьи. При мне ты должна обращаться к бэкхрану по титулу и на «вы». Личные имена и «ты» – только для семьи.

– Бэкхран считает иначе, – заметила я. – Мне показалось, его огорчили мои слова.

Васт ничего на это не сказал, лишь жестом предложил мне

вернуться к трапезе.

– Нет причин для тревоги, – видимо, заметив мою нервозность, спокойно проговорил он. – Мы оба понимали, что вечно здесь ты находиться не сможешь. Рано или поздно тебе всё равно придётся встретиться с семьёй.

– Лучше поздно, – мрачно отозвалась я, вяло ковыряясь ложкой в тарелке с мясом – визит Эльзира начисто отбил у меня аппетит. – Я не уверена, что готова.

– Я уверен, – голос Васта был твёрд, в нём не было ни тени сомнения.

Повернувшись, я встретила взглядом со светло-кариими глазами, внимательно смотревшими на меня.

– Благодарю, – слабо улыбнувшись, сказала я.

– Нет нужды, – последовал традиционный ответ. – Ешь.

По завершении завтрака чатъен ушёл, оставив меня в компании новой служанки. Дождавшись, пока Чала уберёт посуду, я попросила девушку сделать мне какую-нибудь причёску.

– Вы желаете что-то конкретное? – уточнила девушка, беря в руки деревянный гребень с прикроватной тумбочки.

– На твоё усмотрение.

Я понятия не имела, какие причёски приняты в этом мире, поэтому, естественно, предоставила служанке полную свободу действий, про себя отметив, что у неё самой волосы были распущены, только передние пряди собраны на макушке в хвост, видимо, чтобы не лезли в глаза и не мешали

работать.

Процесс создания причёски на моей голове занял достаточно продолжительное время — я даже успела немного закусать. Однако конечный результат того стоил: мои волосы были заплетены в десяток мелких косичек, переплетённых между собой замысловатым узором и собранных на затылке в классический пучок, закреплённый изящной заколкой в тон моей одежды.

— Благодарю, Чала, — тщательно изучив своё отражение в зеркале, сказала я, повернувшись к служанке. — Ты хорошо справилась.

Девушка смущённо потупила взгляд, а на её щеках заиграл лёгкий румянец.

— Я не заслуживаю похвалы, госпожа, — отозвалась она.

— Заслуживаешь, — возразила я. — Пока можешь идти. Я позову позже.

Чала низко поклонилась мне и бесшумно покинула комнату, закрыв за собой дверь. Я же чинно опустилась на край постели, приготовившись ждать возвращения чатьена.

Долго моё ожидание не продлилось. Вскоре дверь вновь открылась, впуская в комнату моего надзирателя.

— Сегодня вечером ты будешь ужинать с семьёй, — бесцветным голосом сообщил он.

Я почувствовала, как по спине пробежали мурашки, а сердце на мгновение замерло, пропустив удар, чтобы затем забиться с удвоенной скоростью.

– Нельзя отказаться? – мой голос безобразно дрожал.

– Нельзя.

Я кивнула, за что была награждена суровым взглядом чатъена.

– Я выдам себя в первую же минуту, – обречённо проговорила я, прикрыв глаза рукой.

– Не выдашь, – Васт был привычно спокоен и отстранён, казалось, его совершенно не пугала перспектива разоблачения и последующей за ним казни. – Я помогу тебе.

В итоге весь день до самого вечера мы занимались отработыванием всевозможных поз и движений, которые мне могут потребоваться за ужином, а также повторяли самые распространённые слова и фразы. Мне это напомнило школьные годы, когда я состояла в театральном кружке и на репетициях оттачивала день за днём одни и те же реплики и действия.

Вечером чатъен Васт заявил, что сам поможет мне переодеться к ужину.

– Почему не Чала? – удивилась я.

Мой вопрос был благополучно проигнорирован, что, впрочем, случалось довольно часто, так что не вызвало у меня особого неудовольствия. Мой надзиратель, насколько я могла судить, в принципе был человеком неразговорчивым, и моё неуёмное любопытство зачастую его раздражало, хоть он и старался этого не показывать, но я ведь видела, как темнели его глаза, стоило мне начать пулемётной очередью выдавать вопросы один за другим. Или, как сейчас, начать

задавать вопросы, которые чатъену казались глупыми или неуместными.

Пока я распутывала шнуровку на цэхине, в котором проходила весь день, Васт вытащил из небольшого мешочка, висевшего у него на поясе, с десятков мелких крючков и аккуратно разложил их на столе.

– Это поможет тебе поддерживать правильную осанку, – перехватив мой заинтересованный взгляд, объяснил мужчина.

Следом за крючками из мешочка появилась широкая полоска кожи с застёжками на концах, подозрительно напоминающая собачий ошейник.

«Это ещё что за БДСМ-игры?» – настороженно подумала я, краем глаза наблюдая за тем, как чатъен раскладывает чистую одежду на постели.

– Подойди ко мне, – уже на стадии завязывания ткани вокруг груди, коротко велел мне он.

Я не стала спорить и выполнила просьбу. Уверенной рукой Васт прикрепил принесённые крючки к ткани таким образом, что те расположились точно вдоль моего позвоночника, неприятно царапая кожу.

– Умный ход, – оценила я, сообразив, для чего именно чатъену понадобилось вносить изменения в мой гардероб. Эти крючки, плотно прилегающие к спине, не позволят мне сутулиться, причиняя дискомфорт, стоит мне только хоть на миллиметр отклониться от нужного положения. Просто и ге-

ниально! Надёжнее был бы только корсет, но я не уверена, что подобное здесь вообще существует.

У цэхиня в этот раз оказались двойные рукава: нижний, плотно прилегающий к руке, и верхний, длинный и свободный, как у ханьфу. Более того, вместо манжеты поверх нижнего рукава чатьен надел наручи из тонкого металла, напоминающие широкие браслеты, половинки которых соединялись между собой толстым штифтом с гнущимся в разные стороны наконечником.

Помимо цэхиня Васт надел на меня короткий шёлковый жилет на тон темнее платья, свободные полы которого соединялись между собой изящной брошью, состоящей из двух зажимов в виде бутонов какого-то неизвестного мне цветка, соединённых между собой тонкой цепочкой. Довершением моего наряда стал широкий воротник, полностью скрывший шею, под который чатьен спрятал кожаный ошейник, не позволявший мне лишний раз двигать головой.

– Готово, – объявил Васт, после чего отошёл от меня на шаг и окинул пристальным взглядом результат своих трудов.

– Я выгляжу как Сиреневая госпожа поместья Лундун? – с лёгкой ехидцей в голосе спросила я, пытаюсь за ней скрыть нервозность.

– Да.

Поскольку за пределы лекарского дома я не выходила ни разу, чатьен без каких-либо просьб с моей стороны отправился на семейный ужин вместе со мной.

Впервые оказаться на улице было крайне волнительно. Несмотря на ошейник, до боли впивающийся в кожу при малейшем движении головы, я всё равно умудрялась вертеться во все стороны, разглядывая окружающий пейзаж. А посмотреть было на что! Всё пространство вокруг, насколько хватало глаз, было усажено незнакомыми мне кустарниками, листва которых имела какую угодно расцветку, кроме зелёной. Здесь были и ярко-алые, и бледно-розовые, и синие, и коричневые и даже чёрные кусты. Причём на чёрных, точно звёзды на ночном небе, цвели крохотные белые цветы.

Вокруг своеобразного сада, образуя собой замкнутую систему, объединённую общим крыльцом, располагалось около десятка деревянных строений разной высоты – от одного до трёх этажей. Самое высокое здание находилось в дальней части сада, и над его входом висел круглый медальон, в центре которого располагалось изображение какой-то птицы, обрамлённое веткой растения, внешне похожего на оливковую ветвь.

– Это мэн – главный дом, – уверенно двигаясь по тропинке в сторону трёхэтажного здания, вполголоса сказал Васт. – На первом этаже располагается зал для официальных приёмов. На втором этаже живёт бэкхран, а на третьем – госпожа Тэят. Справа от мэна – кэ, – чатъен кивнул на двухэтажное строение, – дом Ришана. Слева от мэна – кэа – твой дом.

– У меня есть свой дом? – изумилась я.

– У каждого члена семьи есть свой дом, – последовал рав-

нодушный ответ. – В одном доме живут только супруги.

«Вот это я понимаю уважение к личной жизни», – мысленно восхитилась я.

Перед входом в мэн стояло двое стражников: их легко было отличить от обычных слуг, туда-сюда снующих по двору, по кольчуге, надетой поверх одежды, и мощным секирам на плечах. На наше с чатьеном приближение охрана никак не отреагировала, даже не посмотрела в нашу сторону, и мне вдруг стало интересно: если я приду сюда одна и без приглашения, меня впустят или задержат? Нужно будет непременно как-нибудь проверить.

Поднявшись на крыльцо и переступив порог вместе со мной, чатьен бесшумно закрыл за собой дверь и замер.

– Дальше мне нельзя, – спокойно проговорил он, однако я заметила лёгкую тревогу, на мгновение промелькнувшую на дне карих глаз. – Дальше ты пойдёшь одна.

Моя голова дёрнулась в попытке ответить кивком, но края ошейника болезненно врезались в кожу, и мне этого сделать не удалось. Я почувствовала, как пружина нервной тревоги, сжавшаяся где-то в районе живота, немного ослабла: по крайней мере, я не выдам себя неуместным мотанием головой – уже неплохо. Всё-таки чатьен Васт, при всех своих недостатках, был весьма умён и предприимчив.

– Поднимешься по лестнице на третий этаж, войдёшь во вторую дверь слева, – сказал Васт, а затем, после короткого колебания, положил ладонь, скрытую перчаткой, мне на

плечо и ободряюще сжал. — У тебя всё получится.

«Надеюсь», — подумала я и, собравшись с духом, начала свой подъём по широкой лестнице, внутренне ощущавшийся как восхождение на эшафот.

На третьем этаже вторая дверь слева была приглашающе распахнута. Проглотив неприятный ком, застрявший поперёк горла, и стараясь игнорировать оглушительный стук собственного сердца, раздававшийся где-то в ушах, я решительно переступила порог.

Комната, в которую я попала, была очень просторная, с высоким потолком и стенами, драпированными розовой тканью разных оттенков. Точно посередине помещения стоял большой круглый стол, в чьей идеально отполированной столешнице легко можно было увидеть собственное отражение, словно в зеркале. Я обратила внимание на несколько необычную сервировку стола: вместо кучи тарелок с различными блюдами и четырёх пустых, предназначенных для гостей, на нём стояло четыре плоских подноса с ручками по бокам, на которых располагались многочисленные чаши и пиалы с едой и напитками. Возле бокового края подноса — того, что располагался ближе к центру стола, — находилась неглубокая выемка, в которой лежала ложка, двузубая вилка и короткий нож. Когда чатъен сегодня днём объяснял мне, как пользоваться столовыми приборами, я испытала неимоверное облегчение — есть руками, как какой-нибудь питекантроп, совершенно не хотелось.

Три стула из четырёх, стоявших вокруг стола, уже были заняты. С отцом и братом, пусть шапочно, но я уже была знакома. Поэтому неудивительно, что моё внимание привлекла мать. Воистину, там было на что посмотреть!

Тэят была очень красивой женщиной. Нет, я видела её в воспоминаниях чатьена, однако, видимо, у Васта была какая-то своеобразная память. Ну, или очень плохое зрение, потому что показанный им образ Розовой госпожи поместья Лундун не передавал и сотой доли очарования этой женщины.

Многослойные одежды нежно-розового цвета и широкий пояс на два тона темнее подчёркивали фарфоровую бледность кожи и хрупкость фигуры. Густые тёмные волосы – вот от кого Шиануся унаследовала такую впечатляющую шевелюру! – были собраны в сложную причёску на макушке, состоящую из множества прядей, скрученных в жгуты и перевитых тонкими цепочками из белого металла. Закрепляла эту конструкцию массивная не то заколка, не то разновидность короны в виде металлического куба, навершия которого заканчивались острыми пиками, украшенными крупными прозрачными камнями, напоминавшими хрусталь.

– Отец, – я выдавила из себя вежливую улыбку и, ощущая, как мелко дрожат пальцы, а внутри будто натянулась тонкая струна, готовая в любой момент лопнуть, сделала жест-приветствие: левая рука отработанным движением взлетела ко лбу, затем опустилась на грудь, и в завершении устрои-

лась под грудь поверх правой, пока я отвешивала церемониальный поклон. Выпрямившись, я повернулась к Тэят: – Матушка, – и вновь повторила приветствие, чувствуя, как предательски подгибаются колени, хотя ничего сверхъестественного пока не происходило, и я делала ровно то, что мы с Вастом многократно репетировали. – Брат.

Выполняя жест-приветствие в третий раз, я чувствовала себя необычайно глупо, словно попала в какую-нибудь безвкусную молодёжную комедию. Однако стоило мне завершить поклон, как Ришан, точно ужаленный, вскочил со своего места, воодушевлённо проговорил: «Сестра», – и повторил ровно то же самое, что и я.

– Приятно видеть, что вы оба чтите традиции, – улыбнувшись, заметил Эльзир. – Садитесь.

Ришан тут же плюхнулся на стул, чья низкая спинка доходила ему только до поясницы. Я на негнущихся ногах подошла к оставшемуся свободному месту – между братом и матерью, – и медленно опустилась на сиденье, сложив руки на коленях.

Тэят тут же наклонилась и накрыла своей тонкой изящной рукой мою ладонь.

– Я рада, что ты поправилась, – нежно улыбнувшись мне, сказала она, и я буквально утонула в голубых глазах, так похожих на глаза моего брата, но с мягким, чистым взглядом, без намёка на задорные искорки на дне. – Мы все очень за тебя переживали.

– Я приношу свои извинения, – немного смутившись от её взгляда, сказала я.

– Нет нужды, – отозвалась Тэят, слегка сжав мою ладонь. – Здесь нет твоей вины, – после чего убрала руку и выпрямилась, приняв подобающую за столом позу.

– Во всём виноват чатьен Васт! – внезапно пылко заявил Ришан, и его глаза вспыхнули просто маниакальным блеском. – Он держал Шианусю как пленницу!

– Это не так, – возразила я, на мгновение даже забыв о собственном волнении и страхе. Однако дальнейшие слова в защиту чатьена буквально застряли у меня в горле: я не была уверена, что, открыв рот и попытавшись сказать хоть что-то вразумительное, не совершу какую-нибудь вопиющую ошибку и не выдам себя.

Судорожно сглотнув, я потянулась к пиале с травяным настоем и сделала глоток: напиток сильно отличался от того, что обычно давал мне Васт, однако тоже был довольно приятен на вкус.

– Ты уже давно здорова, но он всё равно продолжает тебя держать в лине.

Я нахмурилась, пытаюсь понять, чем так не угодил Ришану чатьен, что он позволяет себе столь резкие высказывания в его адрес.

– Ришан, – строгим голосом окликнул сына Эльзир. – Прекрати.

– Но отец...

Эльзир поднял вверх правую руку, и Ришан замолчал, при этом его лицо продолжало выражать крайнюю степень возмущения.

Быть невольной причиной ссоры отца и сына мне совершенно не хотелось, поэтому я решила повторить жест Тэят: слегка наклонившись, положила руку поверх ладони брата. При этом крючки, столь предусмотрительно вставленные чатъеном в моё нательное бельё, впились в кожу, причиняя ощутимую боль, которую я предпочла проигнорировать.

– Ришан, не надо, – попросила я, выдавив слабую улыбку. – Чатъен помогает мне. Я не пленница в лине.

Ришан тяжело вздохнул и перевернул ладонь, переплетая наши пальцы, после чего поднёс мою руку к губам и мимо­лётно поцеловал пальцы.

– Не буду, сестра, – вернув мне улыбку, ответил мальчик. В его голубых глазах вспыхнули хорошо знакомые мне за­дорные искорки: – Своего я всё равно добился: ты снова со мной.

От его искренней, лучезарной улыбки у меня потеплело на сердце и липкий страх разоблачения внезапно отступил, словно испугался того света, что излучал этот ребёнок.

– Да, – согласилась я, не отводя взгляда от его сияющего лица. – Я с тобой.

Вопреки моим опасениям, ужин прошёл в спокойной, тёплой обстановке. Несмотря на занятия по столовому этикету от Васта, прежде чем приступить к какому-либо блюду, я сначала наблюдала за тем, как его едят Эльзир и Тэят, а потом с точностью повторяла их действия. Чтобы подобные заминки и подглядывания не бросались в глаза, перед каждым новым блюдом я прикладывалась к пиале с травяным настоем, так что никаких подозрений вроде бы вызвать не должна была.

С застольными разговорами всё обстояло ещё лучше: я от них просто самоустранилась. Благо Ришан с его неуёмной энергией полностью перетянул всё внимание родителей на себя, не замолкая ни на секунду, экспрессивно и в красках пересказывая события минувшего дня. Говорил он, к сожалению, очень и очень быстро, так что мне не удавалось полностью осознать, что именно он рассказывает: мой разум успел вычленять из общего потока отдельные слова вроде «вихо», «сказал», «неоправданно» и некоторые другие, что никак не помогало мне в понимании общего смысла.

«Всё-таки с чатьеном в этом плане проще, – про себя отметила я. – Он даже длинные монологи произносит медленно, с заметными паузами, позволяя мне понять сказанное. Интересно, сколько должно пройти времени, прежде чем я

смогу полноценно участвовать в разговорах и понимать абсолютно всё?»

От перенапряжения у меня разболелась голова, словно пара дятлов принялась активно колотиться в оба виска.

– Всё хорошо? – спросила Тэят, от которой, должно быть, не укрылась болезненная гримаса, отразившаяся на моём лице.

– Всё хорошо, – вымученно улыбнувшись, отозвалась я. – Нет нужды беспокоиться.

– Как я могу не беспокоиться о тебе? Ты ведь моя дочь.

– Шиануся, – внезапно позвал брат, заставив меня вздрогнуть от неожиданности: я уже понадеялась, что мне удастся молча отсидеться до конца ужина, а затем спокойно вернуться в свою комнату в лине. – Ты ведь пойдёшь со мной?

Я растеряно моргнула.

– Куда?

На лице Ришана отразилось возмущение.

– Ты что, не слушала меня?

Вздохнув, я сложила руки в жест-извинение: обе ладони под грудью, большие пальцы соединены вместе, изображая нечто наподобие летучей мыши, – и слегка склонилась, в очередной раз ощущая впивающиеся в кожу крючки.

– Я приношу свои извинения, – чётко проговорила я. – Я отвлеклась.

– Нет нужды, – отозвался Ришан, и его лицо вновь вернуло прежнее оживлённое выражение. – Я говорил отцу, что

завтра будет праздник богини Лиун, и я хочу сходить на реку. Ты пойдёшь со мной?

Я понятия не имела, кто такая богиня Лиун и как отмечание праздника, посвящённого ей, связано с походом на реку. Кроме того, любой праздник – это целая толпа народа. Последнее, что мне сейчас нужно – оказаться в центре всеобщего внимания, не имея возможности чётко понимать местную речь и не зная всех правил поведения. Только вот могу ли я озвучить отказ? Во взгляде Ришана, направленном на меня, нет ни тени сомнения в том, что я соглашусь. Очевидно, этот праздник важен для него. Не вызову ли я подозрений, если откажусь?

– Если отец разрешит, – дипломатично ответила я, а затем, после короткой паузы, добавила: – И если чатьен Васт не будет возражать.

– Пф! – презрительно фыркнул Ришан. – Как он может тебе что-то запрещать? Васт – просто чатьен. А ты – Сиреневая госпожа поместья Лундун.

– Ришан, – Эльзир наградил сына суровым взглядом. – Следи за своими речами. Красному господину поместья Лундун не пристало отзывать в подобном тоне о ком бы то ни было. Тем более о чатьене.

– Я приношу свои извинения, отец, – смиренно склонив голову и изобразив жест-извинение, сказал Ришан.

– Нет нужды, – Эльзир несколько секунд буравил сына тяжёлым взглядом, после чего повернулся ко мне. – Я не воз-

ражаю, если ты завтра присоединишься к брату. При условии, что твоё самочувствие располагает к прогулке.

Я почувствовала облегчение. Благодаря словам бэхрана сейчас я могу ответить брату согласием, а завтра с чистой совестью изменить своё решение, сославшись на лёгкое недомогание.

– Я с удовольствием пойду с тобой, брат, – повернувшись к Ришану, сказала я.

На лице мальчика расцвела широкая лучезарная улыбка.

– Только возьмите с собой кого-нибудь из вихо, – мягко попросила Тэят. – И охрану.

– Разумеется, мама, – Ришан внезапно стал абсолютно серьёзен – за эти два месяца, что он чуть ли не ежедневно лазил ко мне в окно, я ни разу не видела подобного выражения на его лице. – Я не стал бы подвергать Шианусю опасности.

«Какая он душка, – с умилением подумала я. – Можно сказать идеальный старший брат».

По завершении ужина Ришан вызвался проводить меня до лекарского павильона. Я не сомневалась: несмотря на искреннюю заботу обо мне, в первую очередь он сделал это ради того, чтобы позлить своим присутствием чатьена.

– Когда ты вернёшься в кэа? – спросил Ришан, пока мы неторопливо шли по узкой тропинке от мэна до лина.

– Когда чатьен Васт сочтёт меня полностью здоровой, – ответила я.

– Ты уже здорова, – в голосе Ришана слышалось недо-

ВОЛЬСТВО.

– Не нам с тобой об этом судить, – убеждённо заявила я. – Давай не будем об этом.

– Хорошо, – покладисто согласился он. А затем внезапно сказал: – У тебя красивая причёска сегодня.

Я не сдержала искренней улыбки.

– Благодарю.

– Но с распущенными волосами мне нравилось больше, – добавил Ришан. – И вообще, ты сегодня какая-то странная.

– Что ты имеешь в виду? – я почувствовала, как сердце тревожно сжалось в груди.

– Ты ведёшь себя странно, – объяснил Ришан. – Весь ужин сидела, словно палку проглотила, хотя раньше и минуты не могла усидеть на месте, тем более в такой позе, ела мало, молчала.

Я ощутила, как неприятный холодок спустился по спине, словно кто-то закинул мне за шиворот кусок льда.

– Я... – я не знала, что сказать. Нужно было срочно что-то придумать. Мысли хаотично метались в голове, однако как назло ни одного мало-мальски приличного оправдания придумать не получалось. В голове набатом стучала мысль: «если Ришан заметил, значит, Эльзир и Тэят тоже?» Это был полный провал.

«Без паники, – строго одёрнула я себя, усилием воли заставляя успокоиться. – Как говорится, даже если вас съели, всегда есть два выхода: штатный и аварийный».

Внезапно в голову пришла идиотская мысль на грани гениальности. Шиануся долгое время была без сознания (я так и не уточнила у чатъена, сколько именно это тело провело в постели, но, судя по его состоянию, точно не один месяц). Её болезнь явно была не из простых. Более того, никто, даже сам Васт, достоверно не знает, чем именно она болела. Следовательно, никто не сможет сказать точно, сколько занимает период восстановления и в какой форме оно проходит. Так что все странности своего поведения я вполне могу списать на плохое самочувствие и нежелание признаваться в этом. Теперь главное это правильно обыграть.

Я резко остановилась. У меня не было уверенности в том, что мне хватит актёрского таланта изобразить что-то, отдалённо напоминающее припадок, хотя это было бы просто идеальным выходом, позволяющим чатъену ограничить моё общение с посторонними ещё на пару месяцев. Так что придётся остановиться на чём-то менее эффектным. Обмороке, например.

– Сестра? – Ришан тоже остановился и с тревогой посмотрел на меня. Я же быстрым взглядом окинула дорожку у себя под ногами: падать будет больно, кроме того, существовала вероятность при неудачном приземлении разбить голову. Следовательно, навзничь нельзя. Придётся использовать брата в качестве буфера.

Покачнувшись назад, я закатила глаза, смежила веки, а затем резко начала падать вперёд.

– Сестра! – полный неподдельного ужаса крик Ришана на мгновение оглушил меня. Однако, несмотря на собственный испуг, мальчик не позволил моему носу соприкоснуться с камнями дорожки, успев подхватить меня под мышки, только вот физической силы ему не хватило, чтобы удержать меня, так что упали мы вместе. Я мысленно попросила у брата прощение и понадеялась, что он не сильно ушибся.

– Кто-нибудь, на помощь!

Истерический крик Ришана, с явным трудом выбравшегося из-под меня, должно быть, услышали все обитатели поместья. До моего слуха донесся топот нескольких пар ног и взволнованные голоса. Я старательно подавила улыбку: всё-таки хорошо быть Сиреновой госпожой. Вон как все забежали!

– Что случилось? – знакомый холодный голос, принадлежавший чатьену, вызвал у меня чувство облегчения: не придётся ломать эту комедию слишком долго. Я крепко стиснула зубы, подавляя улыбку, так и норовящую проскользнуть на лицо.

– Я не знаю! – голос Ришана заметно дрожал. – Мы просто шли, а потом она вдруг упала.

Я ощутила, как чужие пальцы осторожно обхватили запястье, а затем знакомая тёплая волна разлилась по телу.

– Не волнуйтесь, Красный господин, – спокойно проговорил чатьен, убирая руку с моего запястья. – Я позабочусь о госпоже.

Крепкие мужские руки привычно подхватили меня под спину и колени – я с трудом подавила болезненный стон, потому что крючки глубоко впились в кожу в районе лопаток, наверняка даже следы останутся, – и я почувствовала, как меня куда-то несут. Каменная дорожка сменилась деревянными ступенями. Скрипнула открывающаяся дверь.

– Чала, выйди, – строго велел чатьен служанке.

Раздались удаляющиеся шаги и звук закрывшейся двери. В эту же секунду я открыла глаза и взглянула в лицо Васту.

«Мы в дерьме», – хотелось мне озвучить фразу из своего любимого фильма. Однако вместо этого я сказала:

– У нас проблема.

Мужчина аккуратно положил меня на постель, после чего подошёл к окну и закрыл ставни.

– Что случилось? – спросил он, не утратив привычного спокойствия.

– Твои крючки исполосовали мне всю спину, – капризно пожаловалась я, на ходу развязывая цэхинь, чтобы добраться до нательного белья и избавиться наконец-то от этого пыточного оружия. – И все твои труды пропали даром. Ришан догадался.

Чатьен Васт шумно выдохнул. Я подняла голову и встретилась с напряжённым взглядом светло-карих глаз.

– Ришан сказал, я вела себя странно, – объяснила я, продолжая освобождаться от одежды. – Не так, как вела себя Шиануся.

– Я не знал её раньше, – в голосе Васта отчётливо слышалось сожаление. – Я приношу свои извинения. Это моя ошибка.

Я отрицательно покачала головой и тут же скривилась: от ошейника, должно быть, тоже останутся следы.

– Нет нужды, – фраза-клише уже привычно слетела с языка. – Невозможно предусмотреть всё. Скажем, что я странно себя вела, потому что не до конца поправилась и не хотела показывать своё плохое самочувствие.

Чатьен привычно исправил неправильную форму глаголов в придаточном предложении и неверную последовательность слов – переволновавшись, я начисто забыла все правила, что так старательно зубрила. Я лишь тяжело вздохнула: собственное бессилие продолжало раздражать. Но сейчас к нему примешивалась солидная доля страха – я находилась на волосок от разоблачения, и неспособность моего мозга запомнить элементарную информацию, повторённую уже сотню раз, вгоняла меня в тоску.

– Хорошо, – одобрил моё предложение чатьен. – Ты касалась кого-нибудь во время ужина?

– Держала за руку Тэят и Ришана, – ответила я. – А что?

– До этого я запрещал кому-либо навещать тебя, потому что их личная магия могла оказать негативное влияние на твоё здоровье, – объяснил чатьен. – Скажем, что мои опасения оправдались.

– Прекрасно, – мне наконец-то удалось стянуть с себя

цэхинь, и я переключилась на фурди. – Это выиграет нам немного времени.

– Да, – подтвердил чатьен. – Но это всё ещё не решение проблемы.

– Не решение, – согласилась я. – Но пока ничего лучше у нас нет.

СВЯЗЬ

Утром я проснулась очень рано – за окном стояли пред-
рассветные сумерки, а небо вдоль линии горизонта было
подсвечено каким-то гипнотическим фиолетовым цветом.
Что именно меня разбудило, сказать очень сложно. Это был
точно не резкий, громкий звук или что-то подобное. Ско-
рее настойчивое, тревожное ощущение какой-то неправиль-
ности. Кроме того, я очень чётко чувствовала: я немедленно
должна оказаться в каком-то другом месте.

Поднявшись с постели, я, не заморачиваясь долгими пе-
реодеваниями, прямо в полупрозрачной ночной сорочке, в
которой спала, вышла из комнаты, направилась к спальне ча-
тьена и громко постучала костяшками пальцев по дверно-
му косяку. По ту сторону двери сразу же послышалось ка-
кое-то движение, затем раздались быстрые шаги, и дверь от-
крылась, явив моему взору Васта, облачённого лишь в на-
тельные штаны. Я потрясённо вздохнула, на мгновение даже
забыв, зачем именно заявила к лекарю в такую рань.

Под многослойными одеждами чатъен скрывал велико-
лепную фигуру. Узкая талия, рельефный пресс, хорошо про-
работанные грудные мышцы. Просто идеал мужчины, соче-
тающий в себе силу и изящество – то, за что мне в своё вре-
мя и полюбились корейские/китайские дорамы, в которых
чуть ли не каждый главный персонаж мужского пола обладал

именно такой внешностью.

– Что случилось? – вывел меня из транса голос чатъена. Оторвавшись от созерцания его тела, я подняла голову и столкнулась с сосредоточенным взглядом светло-карих глаз.

– Не знаю, – честно призналась я. – Не уверена точно... – я смутилась. До меня только сейчас дошло, что я веду себя, мягко говоря, странно. – Меня что-то разбудило.

– Что именно? – Васт как всегда был серьёзен и собран.

– Не знаю, – повторила я, чувствуя себя необычайно глупо. – Какое-то странное чувство внутри... сродни тревоги. Словно я немедленно должна куда-то идти и что-то делать.

Нахмурившись, Васт властно протянул ко мне ладонь, на этот раз не скрытую перчаткой, и аккуратно обхватил запястье пальцами, которые тут же начали испускать уже знакомое голубоватое свечение.

– Приведи себя в порядок, – после непродолжительного молчания велел чатъен. – Я сейчас оденусь и приду к тебе.

Я покорно вернулась к себе в комнату и принялась одеваться, благо Чала накануне вечером заблаговременно подготовила для меня чистую одежду, разложив её на столе перед окном.

Чатъен появился буквально спустя пару минут полностью собранный, словно он проснулся минимум полчаса назад, а не был совсем недавно бесцеремонно разбужен мной. К моменту его появления я только-только добралась до фурды, пытаясь плохо слушающимися пальцами завязать сложную

шнуровку под грудью.

– Я помогу.

Васт опустился передо мной на колени: его длинные пальцы, скрытые тканью перчаток, проворно переплетали шёлковые завязки нижнего платья, и делали это настолько привычно, что мне в голову закралось смутное подозрение.

«Похоже, у кого-то богатый опыт обращения с женской одеждой», – мелькнуло у меня в голове, а внутри зашевелилось какое-то странное, колющее чувство, подозрительно напоминающее ревность, места которой ну никак не могло быть в наших отношениях. Васт – лекарь. И никаких иных отношений, кроме врач-пациент, между нами быть не может, особенно учитывая тот факт, что телу, в котором я нахожусь, всего лишь шесть лет, в то время как самому чатьену тридцать пять.

– Как ты себя чувствуешь? – помогая мне надеть цэхинь, спросил Васт привычным чуть отстранённым тоном.

– Не знаю, – в очередной раз сказала я. – Странно. Сердце быстро бьётся. И пальцы на руках дрожат.

– Всё ещё хочешь куда-то пойти?

– Да.

После того, как мой внешний вид был приведён к стандарту, соответствующему статусу Сиреновой госпожи поместья Лундун, мы с чатьеном покинули мою комнату, спустились по лестнице и вышли на крыльцо. Возле входной двери, привалившись плечом к колонне, стоял одинокий страж-

ник. При нашем появлении он вздрогнул и резко выпрямился, встав навытяжку. Про себя я отметила, что это был совсем молоденький юноша лет шестнадцати – семнадцати, не старше, с очень выразительными большими глазами лазоревого цвета.

– Сиреневая госпожа, – стражник сделал жест-приветствие, затем повернулся к моему спутнику: – Чатьен Васт, – и вновь повторил свои действия. Я неловко ответила ему тем же, чем вызвала неподдельное изумление в лазоревых глазах.

– Оставайся на посту, – велел ему Васт.

– Да, чатьен.

Васт повернулся ко мне.

– Веди.

Нахмурившись, я прикрыла глаза и прислушалась к своим ощущениям. То, что я чувствовала, не поддавалось описанию. Я сама себе казалась куклой-марионеткой, у которой оборвались все нити, кроме одной, за которую отчаянно дёргает кукловод, пытаюсь привести её в движение, но у него ничего не получается. Поддавшись этому инородному «дёрганью», тянущему куда-то вперёд, я, не открывая глаза, – у меня не было сомнений в том, что чатьен не позволит упасть или во что-то врезаться, – пошла навстречу неизведанному. Позади меня на расстоянии не больше вытянутой руки слышалась твёрдая поступь Васта, никак не прокомментировавшего мой весьма своеобразный – и крайне небезопасный, –

способ передвижения.

Я шла медленно, внимательно прислушиваясь к ощущениям. В какой-то момент – шагов через триста, не меньше, – «дёрганье за ниточку» прекратилось. Я сначала даже растерялась. А затем меня словно подхватило волной и настойчиво потащило вперёд, не давая ни малейшего шанса повернуть назад. Нет, я могла бы, конечно, остановиться, но это бы потребовало колоссальных усилий с моей стороны.

Внезапно что-то словно толкнуло меня в грудь, и я резко замерла, открывая глаза. Прежде, чем я осознала, где именно нахожусь, в голове сверхновой вспыхнула наполненная беспокойством мысль: «Ришан». И только спустя секунду до меня дошло, что мы с чатьеном пришли к кэ – дому моего брата.

Стражник – высокий широкоплечий мужчина лет тридцати, с забавными усиками-пёрышками, – стоявший возле входа, при виде меня в сопровождении чатьена, поспешно выпрямился.

– Сиреневая госпожа, чатьен Васт, – воин сделал жест-приветствие и поклонился сначала мне, затем моему провожатому. Памятуя изумление юноши, охранявшего лин, я не стала отвечать на приветствие, вместо этого спросив:

– Ришан дома?

Я ощущала, как сердце заполошно бьётся где-то в горле, хотя ни единой причины для волнения и тем более страха не было.

– Красный господин ещё спит, – последовал ответ.

– Мы можем войти?

– Разумеется.

Стражник сделал шаг в сторону, пропуская нас с чатьеном внутрь. Дрожащей рукой я открыла дверь и переступила через невысокий порожек. Васт, не проронив ни слова, последовал за мной.

Вокруг царил сплошной непроглядный мрак – должно быть кто-то из слуг закрыл на ночь ставни. Шариться впотьмах по чужому дому, рискуя себе что-нибудь сломать, запнувшись о мебель, мне не хотелось, поэтому я повернулась к чатьену, собираясь попросить принести свечи. Однако моему спутнику просьбы не требовались: не успела я и рта раскрыть, как над его ладонью вспыхнул небольшой красноватый огонёк, осветивший всё вокруг тусклым светом как от свечи.

– Вовремя, – оценила я.

Васт в ответ лишь многозначительно хмыкнул.

Всё то же тревожное чувство, тугой спиралью скрутившееся внутри, заставило меня повернуть от входа налево и, не тратя время на изучение интерьера, пройти в дальнюю часть дома, где располагалась неприметная дверь. Открыв её, я оказалась в крохотном помещении без окон, в котором не было абсолютно ничего. Ну, кроме моего брата, сидевшего на полу, привалившись спиной к стене, и в тусклом свете наколдованного чатьеном огня выглядевшего невероятно

бледным.

– Ришан, – дрогнувшим голосом позвала я мальчика, опустившись возле него на колени. Пальцы сами собой потянулись к запястью, чтобы удостовериться в наличии пульса. Однако прежде чем я успела прикоснуться, Ришан приоткрыл глаза и издал слабый стон, а из его носа потекла тонкая струйка крови.

«Дьявол!» – мелькнула в голове мысль на грани паники.

– Ришан! – снова позвала я, осторожно обхватив брата за плечи и слегка встряхнув. – Ты меня слышишь?

– Сестра, – как-то жалобно всхлипнув, отозвался он наконец. – Я так перед тобою виноват...

– Глупости, – я совершенно не понимала, что тут происходит и как мне нужно себя вести. Васт каменным изваянием стоял позади меня, почему-то даже не пытаюсь подойти к ребёнку, которому, очевидно, требовалась медицинская помощь.

– Чатьен Васт, – я повернула голову в сторону мужчины, в последний момент вспоминая о правилах приличия и отказываясь от привычного между нами обращения на «ты». – Сделайте что-нибудь!

Мужчина мою мольбу о помощи почему-то проигнорировал. Впрочем, его цепкий взгляд был направлен на Ришана, так что я предположила, что на данный момент чатьен не видел необходимости своего вмешательства, ограничиваясь визуальным осмотром.

– Шиануся, – с заметным усилием выдавил из себя Ришан, вновь привлекая к себе моё внимание.

– Я здесь, – я подалась вперёд и взяла брата за руку – на большее не осмелилась, не зная, что именно произошло и можно ли его вообще двигать, вдруг внутреннее кровотечение или ещё что. – Всё хорошо, я рядом.

Губы мальчика искривились в болезненной гримасе.

– Это моя вина, – повторил он. – Я настоял, чтобы ты вчера пришла на ужин. Из-за меня тебе снова стало плохо.

– Нет, это не так, – твёрдо возразила я. – Ты ни в чём не виноват.

– Я виноват во всём, – словно не слыша моих слов, продолжил нести какую-то очевидную чушь Ришан. – Если бы я тогда не уговорил тебя пойти со мной. Если бы не отвлёкся... Ты бы не пострадала.

Я вновь повернула голову к чатьену, послав ему вопросительный взгляд. Лично я понятия не имела, о чём говорит мальчишка. Но лекарь-то должен знать!

Вновь проигнорировав меня, Васт наконец-то перестал изображать статую. Сократив то мизерное расстояние, что разделяло нас, чатьен опустился на колени по другую сторону от Ришана, стянул перчатку с правой руки и положил ладонь на лоб мальчику. От пальцев лекаря тут же начало исходить слабое голубоватое свечение, хорошо мне знакомое.

– Отпусти его руку, – внезапно велел мне Васт. Я тут же выполнила его приказ. Однако через несколько мгновений

он сказал: – Возьми его за руку.

Я совершенно ничего не понимала, но задавать вопросы не стала, придерживаясь мнения, что рекомендации врача стоит выполнять в любом случае. Устроить чатьену допрос с пристрастием – в рамках своего ограниченного словарного запаса, разумеется, – я всегда успею.

Сделав для себя какие-то выводы, Васт «погасил» свечение и вернул перчатку на место, после чего легко подхватил Ришана на руки, совсем как меня накануне.

– Идём, – бросил чатьен через плечо, твёрдой, уверенной поступью направляясь к выходу из дома. Я торопливо последовала за ним, стараясь не отставать.

Оказавшись на крыльце, чатьен повернулся к стражнику.

– Сообщите бэкхрану, что Красный господин заболел. Угрозы для жизни нет, но господин нуждается в постоянном присмотре, поэтому я забрал его в лин.

– Да, чатьен Васт, – поклонившись, отозвался стражник. – Будет сделано.

– Я не болен, – вяло попытался возразить Ришан. – Просто устал.

– Вы поступили крайне безрассудно, Красный господин, – сухо заметил чатьен, двигаясь по тропинке в сторону лекарского павильона. – Разве вихо Нанзу не объяснял вам необходимость постоянно держать свои эмоции под контролем?

– Объяснял.

– Почему же вы довели себя до такого состояния?

– Само как-то получилось.

Я закатила глаза от подобного ответа. Я не особо понимала взаимосвязь того, что Ришан не умеет держать эмоции под контролем и его нынешнего состояния, но, раз чатъен так говорит, то так оно и есть. Кроме того, в данный момент меня гораздо сильнее волновало то, что произошло со мной. А точнее, что за мистическая сила разбудила меня и чуть ли не на буксире притащила к дому брата.

Добравшись до лина, я собиралась удалиться в свою комнату, чтобы не мешать чатъену заниматься Ришаном. Однако у лекаря по этому поводу было другое мнение.

– Сиреневая госпожа, вы останетесь с братом, – тоном, не терпящим возражений, заявил Васт, уложив Ришана на кровать в одной из комнат на втором этаже, располагавшейся напротив его собственной спальни. – Я сейчас вернусь.

Я покорно опустилась на край постели рядом с Ришаном. Мальчик тут же слегка сместился, пододвигаясь ближе ко мне и протягивая руку, которую я с готовностью обхватила своей ладонью.

– Ты меня напугал, – заметила я.

– Ты меня тоже, – слегка приподняв уголки губ в намёке на улыбку, отозвался Ришан. – Я два года ждал, пока ты проснёшься. – Я шумно вздохнула, шокированная тем, что он только что сказал, однако Ришан, судя по всему даже не заметивший моей реакции, продолжил: – Приходил сюда каждый день. Но чатъен меня не пускал.

Слова застряли у меня в горле. Да и что я могла на это сказать?

– Теперь я рядом, – через силу выдавила я из себя, в то время как в голове билась одна единственная мысль: «Два года. Это тело находилось в коме целых два года».

– Надолго ли? – Ришан скривился.

– Насовсем, – уверенно ответила я.

– Но вчера...

– Вчера я просто устала, – не дав брату договорить, прервала я его, старательно подбирая слова, чтобы донести свою мысль максимально простым способом. – Ты сам сказал, я «спала» два года. Дай мне время, и я буду здорова.

Дверь открылась, и в комнату вошёл чатъен с глиняной чашей в руках.

– Выпейте это, господин, – протянув Ришану чашу, сказал Васт.

Приподнявшись на локте, мальчик принял чашу и, недовольно скривившись, в несколько глотков выпил её содержимое.

– Теперь вам нужно отдохнуть, – строго сообщил чатъен, забирая опустевшую посудину. – Поспите, и станет лучше.

Как ни странно, Ришан не стал спорить.

– Ты посидишь со мной, пока я буду спать? – спросил он, обращаясь ко мне.

– Разумеется, – ответила я, продолжая держать руку брата в своей ладони. – Закрывай глаза и спи.

Ришан покорно закрыл глаза. Я слегка придвинулась к нему и нежно провела свободной рукой по его волосам: привычный жест, который я часто использовала по отношению к своим младшим братьям, когда они болели или просто приходили ко мне пожаловаться на родителей, учителей и прочие детские «горести». Внутри у меня разлилась терпкая горечь от осознания, что своих братьев я больше никогда не увижу – в том мире я окончательно и бесповоротно умерла. Впрочем, здесь у меня есть Ришан. И несмотря на то, что по возрасту он старше Шиануси, я вряд ли смогу воспринимать его как старшего брата.

– Что с ним случилось? – через некоторое время, когда дыхание мальчика замедлилось и выровнялось, свидетельствуя о том, что он благополучно заснул, спросила я у чатъена, всё ещё стоявшего в изножье кровати с пустой чашей в руках.

– Истощение, – последовал ответ. – Должно быть, твой вчерашний обморок сильно его напугал.

– Я не понимаю, – я повернула голову и растеряно посмотрела на чатъена. – Как такое возможно?

– У заклинателей, особенно столь юных и неопытных, эмоции тесно связаны с магической силой, – покорно пустился в объяснения Васт. – Поэтому зачастую, испытывая сильные эмоции, такие как страх или гнев, они выплёскивают магию. Однако её запас в организме не бесконечен. Большая потеря магии приводит к слабости, а в особо тяжёлых

случаях даже к смерти.

Я нахмурилась и крепче сжала руку брата.

– Я не хотела, – дрогнувшим голосом сказала я. – Я не знала, что мой вчерашний спектакль так на него повлияет.

– Ты и не могла этого знать, – голос чатъена, как всегда, был спокойным, начисто лишённым каких-либо эмоций, Васт не жалел меня и не пытался успокоить, просто говорил то, что думал.

– Но как я узнала, что Ришану плохо? – вот теперь настало время задавать вопросы. – Меня словно какая-то невидимая сила тянула к нему.

– Это из-за вашей связи, – ответил Васт, а потом начал что-то старательно мне объяснять, однако я поняла от силы половину.

– Чатъен, я ничего не понимаю, – подняв правую руку и коснувшись указательным и средним пальцами шеи над ключицами, остановила я его.

Мужчина наклонился и слегка поправил положение моей руки, немного приподняв локоть. Затем, как-то обречённо вздохнув, стянул перчатку и положил светящуюся ладонь мне на лоб.

Вопреки обыкновению мы оказались не в «классной комнате», где обычно проходили наши занятия, а посреди просторного светлого зала, в центре которого, на небольшом возвышении, напоминающем жертвенный алтарь, лежало мужское тело в нательных штанах и расстегнутом на груди

нижнем платье, под которым зияла достаточно глубокая рваная рана. Над телом стоял пожилой чатьен – об этом свидетельствовал светлый цвет одежд и смешная шапочка на его голове. Руки, не скрытые перчатками, покоились с двух сторон от раны, источая бледно-зелёный цвет, который тонкой струйкой вливался в неподвижное тело под ними.

– Смотри, – Васт приблизился к пациенту и указал на рану на его груди. – Видишь цвет крови?

Кровь была, на мой взгляд, совершенно обычной, красной. Правда мне показалось, что в ней мелькали бирюзовые искорки, но это вполне могло быть и обманом зрения.

– Красный, – ответила я и, после недолгого колебания, всё же добавила: – В ней что-то блестит.

– Блестит, – подтвердил чатьен. – Это и есть магия. В теле человека, здесь – он положил ладонь себе на живот в районе солнечного сплетения, – есть специальный орган – магическое ядро. Его ещё называют вторым сердцем. Оно участвует в циркуляции крови, насыщая её магией.

– Ясно, – кивнула я, за что была награждена недовольным взглядом. Всё-таки с дурацкой привычкой трясти головой к месту и не к месту нужно срочно что-то делать. – Получается, при большой кровопотере человек теряет возможность колдовать?

– Да, – подтвердил чатьен. – Точно так же в случае полного истощения магического ядра останавливается сердцебиение и человек умирает.

– И причём тут наша с Ришаном связь?

– Магическая связь – очень сложная тема, – предупредил чатьен. – Посмотри, – он указал на тело перед собой, в которое другой чатьен, судя по всему, вливал магию. – Чатьены часто используют свою магию для исцеления. Но мы владем особой техникой, которая не позволяет нашей магии смешиваться с магией пациента, влияя на неё. Потому что в этом случае образуется стойкая нерасторжимая связь, позволяющая двум людям даже на большом расстоянии узнавать, что кому-то из них требуется помощь. Подобная связь присутствует между матерью и детьми. Так же магическая связь устанавливается между супругами во время брачной церемонии.

– Почему эта связь есть у меня и Ришана? – я в общих чертах поняла смысл объяснений чатьена и теперь меня интересовали детали.

– Потому что во время нападения на Шианусю, в результате которого она впала в кому, он был рядом. Сиреневая госпожа получила серьёзное ранение и её брат, дожидаясь помощи, поддерживал в ней жизнь своей магией.

И вот мы подобрались к теме, которую мне стоило поднять уже давным-давно, но я всё почему-то не решалась.

– Что вообще с ней случилось? – прямо спросила я. – Ришан сказал, его сестра «спала» два года. Это правда?

– Да, – подтвердил Васт. – Что именно произошло, я не знаю. Мне сказали, что на Шианусю и Ришана напала ка-

кая-то тёмная тварь. В результате этого нападения Сиреневая госпожа сильно пострадала. Физические травмы удалось быстро исцелить, однако сознание к ней так и не вернулось. После многочисленных исследований я понял, что душа уже давно покинула тело, возможно даже сразу после нападения.

– И ты провёл ритуал и призвал меня, – понимающе закончила я.

– Да, я призвал тебя.

– Чем эта магическая связь грозит нам с Ришаном?

– Ничем. Вы просто будете чувствовать, когда другому станет плохо, неважно, эмоционально или физически. Кроме того, теперь вы являетесь идеальными донорами магии друг для друга.

– А что, у переливания магии есть ограничения? – я была крайне заинтересована. Я вообще с детства обожала биологию, особенно анатомию и генетику.

– Есть, и их очень много, – заверил меня Васт. – У магии есть понятие совместимости. В первую очередь на это влияет её цвет. Зелёную и синюю, так же как и все их оттенки, – ими чаще всего владеют чатьены, – можно переливать кому угодно. Красная, оранжевая, розовая, сиреневая и фиолетовая хорошо сочетаются друг с другом. Коричневая совместима с серой. А вот белая и чёрная принимают только магию своего оттенка.

«Как интересно», – подумала я, а вслух спросила: – А на что-то кроме совместимости цвет магии влияет?

– На предрасположенность к тем или иным видам магии, – ответил Васт. – Как я уже сказал, заклинатели с синей и зелёной магией хороши в целительстве. Красная, коричневая и фиолетовая идеальны для боевой магии. Розовая и сиреневая подходят для ремесленников: ювелиров, оружейников и так далее. Серая помогает освоить пространственную магию. А вот белой и чёрной в большинстве владеют заклинатели, взаимодействующие с тёмными тварями и мертвецами.

– Получается, я со своей сиреновой магией идеальный ремесленник, – подытожила я насмешливо. – Что ж, не самый плохой вариант.

– У тебя была сиреневая магия, – поправил меня Васт.

– Что значит была? – удивилась я. – А теперь её нет?

– Если бы её не было совсем, ты бы была мертва, – холодно заявил чатъен. – Однако твоё магическое ядро работает, и магия в крови есть, но в мизерном количестве. Шансы, что ты сможешь её использовать, практически равны нулю.

Эта новость меня немного огорчила. Я-то уже успела настроить воздушных замков! Впрочем, чему удивляться? Фортуна по жизни стоит, повернувшись ко мне спиной. Так что это в некоторой степени закономерно, что, угодив в магический мир, я оказалась своеобразным калекой, которому эта самая магия недоступна.

– Ну, и ладно, – отбросив в сторону грустные мысли, бодро заявила я. – Я и без магии неплохо проживу.

Вопросы и ответы

Ришан проспал до самого заката, и всё это время я, как и обещала, просидела рядом с ним, не выпуская его ладонь из своих рук. Чатьен, несмотря на то, что по его же собственным словам угрозы для жизни мальчика не было, составил мне компанию. Правда, в отличие от меня, Васт проводил время с пользой: устроившись за невысоким столиком справа от двери, мужчина сосредоточенно изучал какую-то книгу, и я ему отчаянно завидовала: сидеть возле постели больного и просто смотреть в окно было неимоверно скучно.

«Нужно будет попросить чатьена научить меня читать, – мысленно сделала я пометку. – Заодно смогу получать информацию об окружающем мире не только из его уст, но и из других источников».

Когда настало время обеда, Чала принесла в комнату ещё один стол – чуть большего размера, чем тот, за которым работал чатьен, – и два стула. Я внимательно наблюдала за каждым движением девушки, подмечая малейшие детали.

– Чала двигается не так, как ты меня учил, – после того, как стол был сервирован и служанка удалилась, заметила я, оставаясь на прежнем месте – пальцы Ришана мёртвой хваткой вцепились в мою ладонь, и мне вряд ли бы удалось освободиться, не разбудив мальчишку. – И одежда у неё другая.

– Чала – не Сиреневая госпожа поместья Лундун, – весо-

мо проговорил Васт, невозмутимо пересаживаясь за накрытый к обеду стол. – Ей не нужно придерживаться строгих правил. Ей даже знать их не обязательно.

«Социальное расслоение в действии», – подумала я. Впрочем, ничего нового. Во все времена и во всех странах простолюдины отличались от аристократии как внешне – одеждой, украшениями, причёсками, а порой и цветом кожи, – так и поведением.

– И много таких мест как поместье Лундун?

Чатьен отложил в сторону столовые приборы и полностью сосредоточил своё внимание на мне. От пристального взгляда светло-карих глаз мне даже стало немного не по себе.

– Поясни вопрос, – попросил он.

Я бросила быстрый взгляд на Ришана: его грудь медленно поднималась и опускалась под тонким одеялом, и ничего не выдавало того, что мальчик собирается в скором времени проснуться. И всё же рисковать не стоило. Ришан, несмотря на свой юный возраст, уже показал себя как человека наблюдательного и умного. У него и так появились подозрения на мой счёт. Нельзя было позволить им окрепнуть.

– Потом, – тяжело вздохнув, сказала я, отведя взгляд от лица чатьена. – Когда мы останемся одни.

Васта, похоже, подобный вариант вполне устроил: с невозмутимым видом мужчина вернулся к трапезе. Я же развлекала себя тем, что сосредоточенно прислушивалась к голосам, доносящимся из-за окна, пытаюсь разобрать, что имен-

но они говорят. Получалось, откровенно говоря, плохо, но я не отчаивалась – любой навык приходит с практикой. Главное не опускать руки и продолжать тренироваться.

Услышав приближающиеся шаги, я повернула голову: Васт, расправившийся со своим обедом за ужасающе короткий срок, подошёл ко мне, держа в руках миску с чем-то, отдалённо напоминающим суп, в котором плавали листья какого-то растения, а также крупные куски мяса.

– Тебе нужно поесть, – тоном, не терпящим возражений, проговорил чатьен, аккуратно опускаясь на край постели рядом со мной. – Я помогу.

Я не сдержала крохотной улыбки: всё-таки Васт порой был чрезвычайно милым. Этаким плюшевый медвежонок. Если бы ещё он при этом не держался так холодно и отстранённо, я бы, пожалуй, даже в него влюбилась. Всё-таки мне всегда нравились заботливые мужчины, способные оказывать знаки внимания не только тогда, когда пытаются затащить девушку в постель, но и просто так, потому что им не наплевать на тебя и твои чувства.

Я протянула свободную руку и взяла ложку, которую мне протянул лекарь. Есть одной рукой было крайне неудобно, но Васт легко подстраивался под мои движения, то поднося миску с супом ближе, почти к самому моему лицу, то отодвигая её чуть дальше, так что мне удалось справиться со своей порцией, не пролив ни капли.

– Благодарю, – улыбнувшись, проговорила я.

– Нет нужды, – последовал привычный ответ. Вернувшись к столу, мужчина поставил на него пустую миску из-под супа и взял чашу со знакомым травяным настоем, которую и вручил мне. – Как ты себя чувствуешь?

– Хорошо.

– Ничего не болит?

– Нет.

Удовлетворив своё любопытство, чатъен вернулся за стол, на котором оставил недочитанную книгу. Вскоре в комнату вошла Чала и забрала сначала посуду, а затем и унесла лишний стол. Комната вновь погрузилась в тишину, которая, впрочем, была довольно комфортной и не вызывала у меня особого отторжения.

В памяти всплыл эпизод из детства. Мне тогда было лет пятнадцать, и один из моих младших братьев, Ваня, которому на тот момент было всего четыре года, заболел. Ничего серьёзного, обыкновенная простуда. Однако у него поднялась высокая температура, и малыш несколько дней пролежал в постели. Родители не могли позволить себе взять больничный, поскольку это бы негативно отразилось на зарплате, а денег в то время у нас и так было немного, поэтому роль няньки досталась мне, благо тогда были весенние каникулы, и ходить в школу мне было не нужно. Я хорошо помню, как три дня не отходила от брата, обтирала его хрупкое тощее тельце мокрой тряпкой, выпаивала ему малиновый морс и кормила с ложечки куриным бульоном.

Тяжело вздохнув, я протянула руку и мягко провела пальцами по волосам Ришана. Ни внешне, ни по характеру – он ничем не походил на моих братьев. И всё же он тоже мой брат, нуждающийся в заботе и поддержке. И я охотно их ему предоставляю.

* * *

Пробуждение Ришана я почувствовала сразу, словно крохотный разряд тока пробежал между нашими соединёнными руками. К этому моменту мне окончательно надоело сидеть, прикидываясь статуей, да и спина, ещё не привыкшая к столь серьёзным нагрузкам, устала, поэтому я, проигнорировав недовольный взгляд чатьена, бесцеремонно забралась на кровать к брату и легла рядом, устроив голову на край подушки.

– Шиануся, – повернув голову, Ришан уставился на меня округлившимися, кристально чистыми, точно безоблачное небо, голубыми глазами.

– Ришан, – я широко улыбнулась брату, наслаждаясь его изумлением. – Ты проспал почти весь день.

– Что ты делаешь в моей кровати? – проигнорировав моё замечание, спросил мальчик.

– Лежу, – откровенно посмеивалась я. – Я же обещала остаться с тобой. Я осталась.

Только теперь Ришан заметил наши соединённые руки, в

данный момент лежащие на его животе. Лицо мальчика залил очаровательный румянец, и он поспешно разжал пальцы, даруя моей ладони долгожданную свободу.

– Я приношу свои извинения, – поспешно отодвинувшись от меня, пробормотал Ришан.

– Нет нужды, – искренне ответила я, мгновенно растеряв всю свою игривость, видя странную реакцию брата на моё нахождение с ним в одной постели. – Это я должна принести тебе извинения. Мне не стоило ложиться с тобой.

Ришан в ответ лишь как-то странно – опасливо, что ли, – посмотрел на меня и отодвинулся на самый край постели, словно боялся, что я могу на него напасть.

«Ну, что я такого страшного сделала? – растеряно подумала я, поспешно поправляя цэхинь и покидая чужую кровать, чтобы не нервировать мальчика ещё сильнее. – Нет, чатъен, конечно, показал своей недовольной физиономией, что я поступаю неправильно, но не стал мне прямо запрещать, следовательно, ничего совсем уж из ряда вон выходящего не произошло. Чего же так испугался Ришан?»

– Я позову чатъена.

Не глядя больше на брата, я быстро вышла в коридор: совсем недавно Васт отправился к себе в комнату «заниматься приготовлением лекарств» как он сам выразился.

На стук в дверь чатъен отреагировал практически мгновенно.

– Ришан очнулся, – сообщила я, стоило только двери рас-

пахнуться, явив моему взору Васта, на этот раз, в отличие от моего предыдущего визита в его покои, полностью одетого.

– Хорошо, я сейчас приду.

Я коротко кивнула, за что была награждена очередным недовольным взглядом. Ну, да, моя голова дёргалась сама по себе, как у китайского болванчика, и процесс этот контролю с моей стороны практически не подлежал.

– Чатъен Васт, я могу выйти на улицу? – спросила я, ощущая острую потребность покинуть стены лина, которые сейчас буквально давили на меня, не давая вздохнуть полной грудью. – Я не стану уходить далеко. Просто немного пройду.

– Возьми с собой Чалу, – лаконично распорядился Васт, воздержавшийся от каких-либо расспросов. Ну, не мужчина, а просто сокровище!

– Хорошо.

Служанка обнаружилась на первом этаже в компании ведра и тряпки, при помощи которых она намывала и без того чистый пол.

– Чала, брось это, – велела я. – Я хочу пройтись по саду.

– Конечно, госпожа, – наткнувшись на мой недовольный взгляд, девушка поспешно исправилась: – Шиануся.

– Вот именно, – я прислонилась плечом к дверному косяку, скрестив руки на груди, ожидая, пока она выльет воду и уберёт ведро и тряпку в кладовую, располагающуюся под лестницей.

Выйдя на крыльцо, я сразу же заметила стражника – высокого крепкого мужчину лет тридцати в фиолетовой одежде. – Сиреневая госпожа, – воин коснулся левой ладонью сначала лба, затем груди, после чего сложил руки под грудью и поклонился мне.

Находясь в несколько расстроенных чувствах из-за странной реакции Ришана на пробуждение со мной в одной кровати, я по инерции повторила жест-приветствие, и только изумление, отразившееся на лице воина, напомнило мне, что так делать, по всей видимости, не стоит.

«Да какая разница? – раздражённо подумала я. – Я – Сиреневая госпожа поместья Лундун, чёрт его дери! Что хочу, то и делаю».

На самом деле это было чистой воды ребячеством. Любой лишний жест или неверно брошенное слово могли стать для меня смертным приговором. И не только для меня – жизнь чатьена Васта также зависела от того, смогу я сохранить свой секрет или нет.

«Нужно приложить больше усилий, – мысленно сказала я себе, делая глубокий вдох, дабы унять неизвестно с чего возникшее раздражение. – В конце концов, ничего невыполнимого от меня не требуется. Просто быть хорошей девочкой, выучить необходимую информацию и чётко следовать правилам. Не так уж и сложно».

Спустившись по ступенькам, я неторопливо двинулась по узкой тропинке, вымощенной светлым камнем. На улице уже

стемнело и слуги – во всяком случае, так я для себя охарактеризовала этих людей в простой одежде, разительно отличающейся от того многослойного великолепия, что носили члены семьи бэкхрана, – развешивали на нижние ветки деревьев небольшие светящиеся стеклянные шарики, напоминавшие ёлочные игрушки.

Далеко от лина уходить я не стала, опасаясь случайно заблудиться в хитросплетении местных тропинок. Впрочем, услышав звук текущей воды, я не смогла удержаться от соблазна и свернула налево, вскоре натолкнувшись на большой фонтан с круглой чашей, в центре которого располагалось странное существо: тело и крылья птички, голова пёска, а вместо ног щупальца осьминога, из которых и вытекали тонкие струи воды.

Чуть поодаль от фонтана располагалась небольшая беседка с резными стенами, выполненными в виде бутонов каких-то цветов, напоминавших ирисы. Приглядевшись, я заметила, что беседка уже занята: в ней сидел незнакомый мне мужчина неопределённого возраста – ему могло быть как тридцать, так и шестьдесят лет, – со смуглой кожей и тёмными волосами, собранными в пучок на макушке и закреплёнными металлической заколкой похожей на китайскую гуань. В тусклом свете местного аналога фонарей я заметила, что верхнее платье мужчины насыщенного изумрудного цвета с чёрной оторочкой вдоль полы и на манжетах – такое я ещё ни разу ни у кого не встречала, но от чатьена знала, что по-

добную одежду носят вихо – старейшины поместья Лундун.

«Нужно будет напомнить Васту показать мне вихо, чтобы я хотя бы знала их имена и внешность», – подумала я, ощущая предательский холодок, пробежавший по спине – стесняться с вихо мне было никак нельзя. К подобной встрече я была не готова ни морально, ни физически. Поскольку если родители ещё могли сделать скидку на мои странности, списав это на долгую болезнь, то что-то мне подсказывало, что старейшины подобной лояльностью точно отличаться не будут.

Я уже собиралась развернуться и уйти обратно к лекарскому павильону, но мужчина в беседке неожиданно резко встал и твёрдой, уверенной походкой направился в мою сторону.

Моё сердце предательски сжалось и пропустило удар. Просто так взять и убежать я не могла – это было бы прямым оскорблением вихо. Однако и вступать в разговор было крайне опасно. Что же делать? Опять изобразить обморок? Подобный трюк мог прокатить только с наивным Ришаном, но никак не с умудренным опытом взрослым мужчиной.

– Вихо Нанзу, – Чала, стоявшая на шаг позади меня, отвесила мужчине низкий поклон, даже не догадываясь, что тем самым буквально спасла меня. Теперь я, по крайней мере, точно знала, как этого человека зовут.

– Вихо Нанзу, – повторила я имя, делая жест-приветствие.

– Сиреневая госпожа, – мужчина с лицом, напоминающим

восковую маску – это у него что ли Васт такой гримасе научился? – поклонился мне в ответ, с точностью повторив жест-приветствие. – Рад видеть вас в добром здравии.

– Благодарю вас, вихо.

– Нет нужды, – голос у моего собеседника был довольно приятный, низкий, проникновенный, но вот от холодного, пронзительного взгляда глаз неестественного ярко-оранжевого цвета меня бросило в дрожь. – Как себя чувствует Красный господин? Он не явился сегодня на занятия. Слуги сказали, он болен.

– Нет причин для беспокойства, – старательно подбирая слова, опасаясь допустить ошибку, ответила я, растянув губы в фальшивой улыбке. – Брату уже лучше.

– Рад это слышать.

От пристального взгляда оранжевых глаз у меня возникло странное чувство, будто меня пытаются либо убить взглядом, либо просветить своеобразным рентгеном – ощущение, надо сказать, крайне неприятное.

– Вас что-то беспокоит, госпожа? – вежливо осведомился мужчина, и мне показалось, что в его голосе промелькнуло что-то, подозрительно напоминающее злорадство.

«Он что, осознанно пытается меня запугать?» – удивилась я.

– Нет, вихо, – постаравшись придать лицу бесстрастное выражение, солгала я. – Благодарю за заботу.

– Нет нужды.

От этих бесконечных «нет нужды», вставляемых на каждом шагу, мне хотелось взвыть, ибо раздражали они неимоверно. Вихо Нанзу тем временем продолжил:

– Вы – наследница поместья Лундун, моя обязанность заботиться о вас.

Что на это ответить, я не знала. К счастью для меня, в этот момент на дорожке послышались чьи-то торопливые шаги, а затем из-за деревьев показалась Тэят в сопровождении двух служанок.

– Вихо Нанзу, – Тэят остановилась в нескольких шагах от нас и вежливо поприветствовала мужчину, поклонившись. Её служанки сделали то же самое с задержкой в пару секунд, а у меня в голове возник закономерный вопрос: кто первым должен приветствовать вышестоящего человека, слуга или его господин?

– Розовая госпожа, – вихо Нанзу тут же повернулся к супруге бэкхрана и сделал жест-приветствие, сопровождаемый более низким поклоном, нежели мне.

– Розовая госпожа, – я прекрасно помнила нравоучения Васта, что в присутствии посторонних – а вихо членом семьи однозначно не являлся, – допустимо только обращение по титулу. Личные имена используются исключительно в кругу семьи. Мой жест-приветствие получился не настолько изящным, как у Нанзу, но я честно старалась. Однако, видимо, недостаточно, потому что Тэят наградила меня встревоженным взглядом, а глаза вихо и вовсе сковал лёд.

– Розовая госпожа, – на этот раз Чала произнесла приветствие после меня, заставив меня насторожиться ещё больше. Почему с вихо она поздоровалась первой? Неужели она знала, что я понятия не имею, как зовут этого человека? Но откуда? Она услышала какой-то из наших разговоров с чатье-ном?

– Вы что-то хотели, вихо? – спросила Тэят, перетягивая внимание мужчины на себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.